

★ ВЕЛИЧИЕ РОДИНЫ – В ВАШИХ СЛАВНЫХ ДЕЛАХ ★

СПЕЦНАЗ

ТАЙМЕР ДЛЯ
ОБРЕЧЕННЫХ

Михаил НЕСТЕРОВ

Джеб

Михаил Нестеров

Таймер для обреченных

«ЭКСМО»

2006

Нестеров М. П.

Таймер для обреченных / М. П. Нестеров — «Эксмо»,
2006 — (Джеб)

Агентурно-боевой группе морпехов во главе с Евгением Бликовым по прозвищу Джеб предстоит сложнейшая задача. Израильская военная разведка «Аман» готовит теракт – крупную авиакатастрофу, жертвой которой станет премьер-министр Израиля. Его место должен занять другой. Причем самолет собьет украинская ракета. Ведь несколько лет назад такая ракета уже сбила над акваторией Черного моря самолет с гражданами Израиля. Тогда все посчитали это случайностью. И теперь группе Джеба надо предотвратить готовящийся теракт, обезвредить израильских диверсантов, да еще и выяснить, что стояло за той, давней авиакатастрофой...

Содержание

Пролог	5
Часть первая	7
Глава 1	7
1	7
2	12
3	15
4	17
Глава 2	20
1	20
2	22
3	23
Глава 3	25
1	25
2	26
3	29
4	32
5	34
Глава 4	37
1	37
2	40
Глава 5	45
1	45
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Михаил НЕСТЕРОВ

ТАЙМЕР ДЛЯ ОБРЕЧЕННЫХ

Автор выражает особую признательность еженедельнику «Независимое военное обозрение», газетам «Независимая газета», «Известия» за использование их материалов в своей книге.

Эта книга основана на реальных событиях, однако сюжет и персонажи вымышлены. Всякое сходство с действительным лицом – живущим либо умершим – чисто случайное. Взгляды и высказанные мнения, выраженные в книге, не следует рассматривать как враждебное или иное отношение автора к религии, национальностям, личностям и к любым организациям, включая частные, государственные, общественные и другие.

Хорошие люди не убивают хороших людей.
Альфред Хичкок

Поворот руля – как поворот судьбы: направо – жизнь, налево – смерть.
А-Э. Пьер

Пролог

ИГРЫ ПАТРИОТОВ

...Прежде чем ракета прошила пассажирский лайнер, прошло много томительных минут...

Андрей нервничал на боевом посту. Он матерился на боевые расчеты: после обнаружения цели они около полутора минут не могли принять решение на обстрел. Бараны! – не мог успокоиться лейтенант. Цель была захвачена с дальности около шестидесяти километров, а пуск произведен, когда до мишени оставалось меньше сорока. Ракета заведомо не успевала «взять» цель. Хорошо, что на подстраховке оказался комплекс С-300. «Трехсотка» добила мишень, когда стало очевидно, что та проходит без воздействия. А ракета «двухсотки» продолжила свой полет и поразила российский лайнер в штатном режиме. Она прошила его от кабины пилотов до хвоста. Прошила полторы сотни мирных граждан...

Дело сделано.

А что было до этого? Визит человека лет сорока. Знакомство, не предвещавшее оператору радиолокатора подсвета цели ничего хорошего: «Неважно, кто я, важно, зачем я здесь». Здесь – это в Евпатории, городе-курорте, близ которого дислоцирован зенитный ракетный полк.

– Ты, наверное, знаешь, Андрей, что порой на учениях истребитель сбивал летящий с ним в паре самолет. Как это происходит? Очень просто: ведомый стреляет, и его ракета перехватывает вместо цели самолет ведущего.

– Я слышал об этом, – ответил Андрей, косясь на край заплечной кобуры незнакомца, видневшейся под расстегнутым пиджаком. Тот переключился на учения, намеченные на октябрь.

– Они готовятся с помпой, хотя маневры такого масштаба со времен развала Союза на Украине не проводились ни разу. В Крым уже съезжаются иностранные наблюдатели. И они в курсе, что Украина не располагает полигонами для стрельбы комплексов большой дальности

С-200. Они есть только у России и Казахстана. Украина могла бы их арендовать на время учений, как это делают другие государства. Но в этом случае надо договариваться с этими странами, платить и душить собственную «самостийность». Плюс теряется эффект присутствия большого числа иностранных наблюдателей.

– К чему вы это рассказываете, не пойму.

– Я представляю людей, которые готовы платить за то, чтобы руководить вооруженными силами двух стран – России и Украины. Было бы неплохо, правда?

– Не знаю.

Они расположились на террасе. Андрей на правах хозяина предоставил гостю кресло, сам устроился на краешке кровати. От предложения гостя выпить он отказался.

– Ну так давай вместе прикинем, что мы знаем о грядущих учениях. Стрельба «дальнобойными» комплексами будет вестись в ближней зоне – не дальше сорока километров. Однако в ракурсах стрельбы на дальностях от двухсот километров наверняка появятся воздушные объекты. Нас устроит любой гражданский самолет любой страны. Пусть это будет российский или грузинский пассажирский лайнер. Главное, чтобы он оказался в том же коридоре. На учениях планируется произвести больше двух десятков пусков ракет. Например, «Оса» сделает несколько выстрелов по одной мишени. С-300 отстреляются по аналогам беспилотных самолетов. Для Украины главное – обеспечить «море огня». Но в момент стрельбы С-200 «Вега» другие системы «замолчат». В воздухе появится лишь одна мишень – «Рейс». И вот тут мы надеемся на твою помощь.

– Чего вы добиваетесь?

– Мы хотим изменить историю зенитно-ракетных войск. Сделать так, чтобы украинские ракетчики стали первыми, кто в мирных условиях сбил гражданское судно. Это большой шаг к тому, чтобы определенная группа людей возглавила вооруженные силы двух стран. Понимаешь, Андрей, от вооруженных сил Украины вскоре ничего не останется. Навострив лыжи в НАТО, Украина уничтожает технику, которая «видит» натовские самолеты и крылатые ракеты и может пощелкать их как мух. Взамен она получает технику-«невидимку»: сколько ни маши этой мухобойкой, все равно ничего не собьешь. Нас этот факт очень беспокоит. Тебя тоже это касается. Вряд ли ты, офицер ПВО, видишь себя в кабине бесполезной «мухобойки». О нашем разговоре не узнает никто. Мы обещаем тебе ускоренное продвижение по службе: через пару-тройку лет ты станешь командиром полка. Старайся не думать о людях на борту пассажирского самолета – *его сразит ракета не из твоего комплекса*. Позже ты успокоишься тем, что не втыкал нож в людей, не стрелял, смертей не видел. Как тебя можно обвинить в убийстве?

– А если я откажусь и доложу начальству?

– Мы убьем тебя.

Часть первая ПО ТУ СТОРОНУ ДОЖДЯ

Глава 1 МОЛЧАНИЕ БЕЗДНЫ

1

Крым, Украина, 16 октября 2001 года

В три часа дня напротив общежития «Ялта», расположенного близ яхт-клуба, остановился военный «УАЗ». Капитан-лейтенант Александр Абрамов вышел из машины, шагнул под козырек подъезда с покосившейся дверью и стертым, как в собесе, порогом, и окунулся в мышино-кошачью атмосферу. Это была обычная двухэтажная «сталинка». На втором этаже проживали семьи офицеров, на первом – командированные.

«Что может быть лучше гостиницы возле яхт-клуба?» – спросил себя капитан. И ответил вопросом: «Что может быть хуже общаги в окружении судоремонтных заводов?»

«Яхт-клуб пока не виден», – в стиле разведтриллера продолжил Абрамов. А заводы – вот они. Стоит обернуться, и взгляд запутается в мотках проволоки и мусорных кучах, запнется на бетонных ограждениях и серых корпусах, заблудится в серпантине дорог и пылевых облаках...

На двери, обитой дерматином, красовалась надпись: «Дядя Слава не умер, он вышел покурить».

– Привет, братья по разуму! – приветствовал капитан молодых людей, сидевших за круглым столом. – Шпионите?

– Привет, Саня! – блеснул озорными глазами Эли Сайкс. – Мы только что тебя вспоминали. Мол, будем рады тебя видеть. Если придешь. Ноги вытер?

– Буду уходить, вытру.

С разведчиками ВВС Израиля капитан познакомился две недели назад. Тогда он, пожав руки Эли Сайксу и Маркосу Бегину, задержал в своей руке ладонь старшего оперативного офицера Мэлоди Унгер.

– Военная разведка?

– Ну что вы, – девушка непритворно наморщилась. – Военная разведка – это ожиревшая, неподъемная тетка на засаленной простыне. Я представляю разведку ВВС – это стройная, сильная, гибкая, красивая дама.

– Я это заметил, – улыбнулся капитан, похерив намек на более соблазнительные простыни.

– Ведь вы тоже не всегда представляетесь офицером ГРУ.

– Точнее, никогда. Капитан Александр Абрамов, флотская разведка, – представился он. Подхватив дорожную сумку Мэлоди, он пошел рядом с ней по пыльной дороге.

– Ознакомите нас с общей ситуацией, капитан?

– Все готово к следственному эксперименту. Он будет включать повторение ситуации плюс криминалистические экспертизы. Работать нам придется под давлением украинских военачальников.

– Они не признали факт поражения ракетой вашего лайнера?

– Пока нет. Их не устраивает трехсторонняя комиссия. На борту сбитого лайнера находилась группа израильтян, и это больше всего тревожит украинскую сторону. Попытка договориться с нами по самым щекотливым вопросам не устроит ваше, израильское руководство.

– Мы будем работать в группе. Сколько человек войдет в нее?

– Я насчитал двенадцать. Кроме вас, шесть украинских офицеров ПВО и три с нашей стороны.

– Как вы видите предстоящую работу?

– Мне она видится не схематичной, но привязанной к результату.

– Пуля дырочку найдет?

– Ну да, при желании. Есть еще несколько групп. По ходу работы мы будем взаимодействовать. Столкнемся с обычной военной тупостью и невежеством. Это будет украинская тупость. Но не дай нам бог столкнуться с нашей, российской...

Боже, о чем мы говорим, недоумевал капитан, вышагивая рядом с красивой женщиной. Она вышла из типового рейсового автобуса, тогда как Абрамову показалось, она спустилась по откидной лестнице боевого вертолета. Зеленоватая рубашка, заправленная в широкие джинсы цвета хаки; волосы убраны под берет военного образца; глаза скрывают солнцезащитные очки. Капитана неодолимо тянуло сменить тему разговора, спросить Мэлоди, перейдя на «ты», о чем угодно, только не о работе.

Он обернулся на Эли и Маркоса, подумав: «Мы похожи на старых друзей, которым нечего сказать. Или есть что сказать, но таких слов отчего-то не находится. Кажется, – припомнил Абрамов, – такая ситуация называется «коммуникативной неудачей». И этот срыв образовал провал, в который сыплются специальные термины. Работы – непочатый край. И почему бы не задержаться на краешке?»

– Аллю, капитан!

Размышления Абрамова увели его от темы разговора. Он пропустил вопрос Мэл и смотрел на нее с легкой оторопью. Она сняла очки, и он впервые увидел ее глаза: карие, с бездонными зрачками, обрамленные рыжеватыми ресницами. Капитан не нашел цветового контраста, наоборот, все предельно гармонично и было к лицу только Мэлоди.

– Я спросила: ваши специалисты приступили к компьютерному моделированию воздушных объектов?

– Дайте подумать, – Абрамов ловко взял обязательную паузу. – Насколько я знаю – да. Объектов немного: мишени типа «Рейс» и аналоги беспилотных самолетов, пассажирский лайнер, ракеты «двухсотки» и «трехсотки».

– А что по технике?

– Вся техника будет расставлена по своим местам, как и во время учений, когда «Вега» сбила пассажирский лайнер.

– Я слышала, в Крым прибыл секретарь вашего Совбеза.

«К черту секретаря!»

Мэлоди хорошо говорила по-русски. Абрамов отметил одну особенность ее речи: она не смягчала согласные. Говорила «очен», «здесь» и мило окала. Ему отчего-то захотелось услышать, как она произносит название французского города – Марсель.

– Да, – ответил он на вопрос. – Секретарь Совбеза намерен следить за ходом эксперимента, возглавил госкомиссию по установлению причин катастрофы.

– Где вы нас разместите, капитан?

– Семейное общежитие «Ялта», – Абрамов перешел на тон квартирмейстера. – Я не знаю, где это. Вместе и посмотрим.

Посмотрели...

Лицо у лейтенанта Сайкса приобрело форму резиновой перчатки, накачанной водой. Маркос промолчал. Мэлоди с романтическим героизмом на лице шагнула в загаженный подъезд «гостиницы». Сайкс с трудом выдавил:

– Где звезды? Хоть одна звезда где?

Маркос успокоил его, похлопав по плечу:

– Ты увидишь много звезд через дыры в потолке.

– Пожалуй, сегодня вы не уснете, – внес свою лепту Абрамов, бегло оглядев помещение: старая софа, ветхий диван, пара кресел с облупленными подлокотниками, пара армейских тумбочек. На столе лежали веник и совок с длинной ручкой. В смежной комнате он узрел кровать и часть комода. Он предложил снять «нормальные номера в нормальной гостинице», но все трое отказались по непонятной причине.

Весь следующий день Сайкс шепелявил: «Шушенское...» К вечеру завалился на софу, не вымыв по обыкновению ноги: «Зачем?»

Прошло две недели. Сейчас Абрамов пришел проститься.

– Завтра уезжаете? – с сожалением спросил он.

Эли Сайкс энергично кивнул:

– И слава богу. Мне осточертел этот клоповник! Дырища! Тут нельзя шпионить. Какой еще вред можно нанести этой земле? Здесь люди не умирают, они выходят покурить. Эти дни я решал головоломку: что такого я натворил в управлении, за какие грехи воткнули меня в эту дыру?

– Тебе сколько лет, Эли?

– Понеслось! Как там по-русски? Старый пердун, что ли? Я красивый, сильный, – Сайкс простодушно перечислял свои достоинства, перемежая их русским матом. – Я высокий, умный. Я, бля, разведчик!

Абрамов беззвучно рассмеялся. Сайксу исполнилось двадцать шесть. На год больше Маркосу и Мэлоди. Он невольно вспомнил о людях более старшего поколения. Они во главе с секретарем Совбеза вылетели в Киев, чтобы ознакомить украинскую правительственную комиссию по расследованию авиакатастрофы с выводами российских и израильских специалистов. Может быть, в эту минуту секретарь докладывает Кучме о проделанной работе, а министр обороны Украины готовит извинения родственникам погибших, прикинул Абрамов. Выводы однозначные и неутешительные: украинская ракета сбила самолет. Что поначалу военачальниками отрицалось в самых жестких выражениях.

– Я надеялась, дело поинтереснее будет, – вступила в разговор Мэлоди.

Сейчас она показалась Абрамову по-домашнему беззаботной: халат, тапочки; волосы, собранные в конский хвост, все те же рыжеватые ресницы, так взволновавшие его. Пожалуй, 27-летний капитан слишком долго рассматривал девушку. Она опустила глаза. Но тотчас подняла их и улыбнулась.

– Ты надолго застрял здесь, Саня? Ты же москвич, в Главном штабе ВМФ работаешь.

– Моя зона ответственности – от Севастополя до Евпатории... – Он вдруг встрепенулся. – Вернусь в Москву, попрошусь на другой сектор. Красное море – не Черное, правда?

– Поближе к Мэлоди будешь, – в тон капитану добавил наблюдательный Сайкс. Он подмигнул Маркосу. – Пойдем, дружище, пылью подышим. Вдоль заводских корпусов прошвырнемся. Может, набредем на береговую ракетную часть. Нам дали задание установить дислокацию комплекса «Рубеж». Саня, не подскажешь, где находится этот дебильный комплекс?

– Между зенитно-ракетной частью и аварийно-спасательной службой. Более подробно – во флотской газете «Российский черноморец».

– А там я найду дислокацию...

– Найдешь, – перебил Абрамов. – И центр подготовки космонавтов, и школу поваров, и трубопроводную бригаду.

Мэл и Абрамов остались одни. Саня взял ее за руку. Девушка накрыла его руку своей.

– Давай останемся друзьями, – предложила она.

– Я думал об этом, – быстро отозвался он. – Но, знаешь, просыпаться с врагом в постели мне что-то не хочется.

– Ты забавный парень, Саня.

– А еще я красивый, сильный, умный.

– Ну да. Как Сайкс, ты разведчик.

Абрамов кивнул на дверь.

– Они надолго ушли?

Мэл снова улыбнулась.

– Хочешь затащить меня в постель?

– Да.

– Ты похож на вирус с диалоговым окном: «Дорогой пользователь, разрешите распространиться?» Ты чуточку озабочен.

– Знаю. Озабочен твоими губами. Глаза у тебя потрясающие...

Они долго молчали.

– Не боишься «медовой ловушки»? – спросила девушка. – Ты-то должен знать, что безумства следует совершать осторожно.

Флотский разведчик закрыл глаза. Представил то, чего никогда не будет. Мэл встает из-за стола. Оставляя на полу шлепанцы, она идет в комнату, развязывая пояс халата. Капитан обнимает ее за плечи, касается губами ее нежной шеи. Горячо шепчет, теряя голову: «Я люблю тебя, Мэл...» Халат скользит с ее плеч, падает к ее ногам. Он заключает в объятия ее тело – горячее, правдивое...

Для него Мэл – девушка с другой планеты. Порой совковое подсознание нашептывало ему: иностранка, разведчица, поосторожней с ней. Но он не слушал.

Его из раздумий вывел голос Мэлоди:

– Я ждала тебя. Знала, что ты придешь.

Не успела она договорить, как вернулись Сайкс и Маркос. Отсутствовали они недолго, а Сайкс уже был навеселе и дурашливо делился впечатлениями о местном вине и шинке, шинкарке с упругой грудью.

– Ну что, Саня, – засыпал он его вопросами, – никак в сознание не придешь? Может, тебе хлопнуть стаканов десять водки? Не раздумал поменять зону ответственности? Говоришь, от Севастополя до Евпатории? Чем примечателен этот городишко? – по инерции поинтересовался он.

– Город-курорт, – Абрамов с трудом втягивался в разговор, пряча глаза.

– Я слышал, в городе-курорте дислоцирован зенитный ракетный полк с С-200 «Вега» «на борту».

– Да, однолитерный с «Вегой» на полигоне, которая сбила пассажирский самолет.

– Комплексы-близнецы?

– Вроде того.

– Поможешь нам отчет составить? Он почти готов. Почитай, технические ошибки посмотри. Потом начальству доложишь: ознакомился с отчетами неприятеля...

– Откуда ошибки?! Зенитный расчет подсветил мишень, а заодно и пассажирский лайнер. Одна ракета поразила мишень, другая – лайнер. Я тоже не новичок в этом деле. Не раз присутствовал при пусках ракет-мишеней с надводных и подводных кораблей. В инструкциях по безопасности вписана такая строчка: «дальность стрельбы не должна превышать дальности запуска ракет-мишеней». Эта строчка была пропущена при планировании учений. И это одна из причин катастрофы.

– Кстати, а где российские войска ПВО проводят учения?

– Раньше предпочтение отдавалось полигону Сарышаган, – ответил Абрамов. – Там зона выполнения стрельб не ограничивалась по дальности. Иногда С-200 разрешалась стрельба с мест постоянной дислокации – на Кольском полуострове и под Норильском. Ракеты уходили в акваторию Северного Ледовитого океана. А там днем с огнем не сыщешь ни одного объекта... За последние десять лет многое изменилось...

– Мы на днях подцепили одного киевского военного эксперта, – поделился новостью Сайкс, – заручились сотрудничеством в плане обмена информацией. Он сказал: «Все, на фиг, продано, пропито, разворовано». Я спрашиваю: «А что шепчут голоса?» Он говорит: «Да одно и то же шепчут: в Севастополе сейчас остался только долбаный российский флот».

– Хорошо, что Сарышаган не отошел к Украине вместе с Севастополем, – тихо порадовался Абрамов. – У вас есть отчет комиссии?

– Есть, – подтвердил Сайкс.

– Ну так перекатайте его! Лично я включу в свой рапорт заявление украинских военачальников. Украина не принимала участия в боевых стрельбах «Боевое содружество – 2001». Военные заявили, что это «зенитное ракетное шоу» и что у себя дома они устроят «учение с наисложнейшей воздушной и помеховой обстановкой». Ну чтобы чтиво интересное получилось, – пояснил он. – Начальство любит, когда подчиненные анализируют, сопоставляют, ищут аналогии...

– Да, – сказал Сайкс, – начальство от этого тащится, как моль от нафталина. Только в рапорт не воткнешь пассажиров лайнера. Летят они на высоте двенадцать километров, разговаривают, планы строят. И не подозревают, что к ним на огромной скорости подлетает ракета. Она не врезается в самолет. Она разрывается на расстоянии. Тридцать шесть тысяч поражающих элементов превращают лайнер в решето. Многие пассажиры погибли сразу. А каково было пока еще живым?... Когда евреи снова поднимутся на гору Сион, небо пронзит огненная комета. Сука, сбываются пророчества.

– Эли, заткнись, а?

Лейтенант не унимался.

– Я в отчете напишу: мы дали друг другу клятву не расставаться никогда. Нас было трое сильных парней – два еврея и один русский, и одна баба с пудовыми сиськами. Мы были молоды. А еще я сделаю татуировку на груди: «Е...ь вашу войну!»

Сайкс больше обращался к Абрамову, но смотрел на Мэлоди Унгер. А та не сводила глаз с флотского разведчика. Сайкс мог поклясться, что взгляд у Мэлоди настроженный, проникает через стену и простирается до бесконечности. На улице зарядил дождь, и Эли чуть хмельно выдал: «Ее взгляд лежит по ту сторону дождя». И он воспроизвел свои мысли вслух:

– За горизонтом ни хрена нет. Маркос, запомни мои слова. Как ничего нет за тем, что мы знаем. Там дыра, пустота пугающая. У меня, блин, мурашки по коже, как будто я заглянул в будущее. Молчание бездны. Но я слышал, что солнце грохочет так, что инопланетянам мало не покажется. Термоядерная реакция. Грохот миллиардов водородных бомб – вот что такое молчание космоса.

– Это то же самое, что молчание Сайкса, – обронил Маркос Бегин. – Самый быстрый язык на Западном берегу Иордана. Эли, тебе ни разу не хотелось застрелиться?

– Мгновение боли от выстрела в висок сольется с вечностью безмолвия. Красиво я сканул? – Эли откинулся на спинку стула и положил ноги на стол. – Саня, ты торопишься?

– Да, черт возьми! – чертыхнулся Абрамов. – Ненавижу свою привычку соревноваться с часами! Меня к десяти вечера в штабе флота ждут. Мэл, тебя можно на минутку?

В комнате Мэлоди приложила палец к губам капитана и тихо сказала:

– Просто уходи. – И добавила: – Улица Соколова, 6, квартира 11. Это мой адрес в Тель-Авиве. Я понимаю тебя, Саня, нам бы пораньше встретиться... Ну представь: приняла бы я тебя на час, как проститутка... Все, просто уходи. Буду в Москве, найду тебя.

Александр Абрамов возвращался в штаб с тяжелым сердцем. Не так он представлял себе этот день, краем зацепившийся за вечер. Может быть, он был настроен на школьный лад – ему хватило бы губ, робких прикосновений к Мэл. Почему, он и сам не знал.

Он еще раз проклял себя за привычку копаться в своей душе.

Вокруг никого, а состояние души такое, будто на тебя смотрят сотни глаз. Никого вокруг, а ты удивляешься собственным ужимкам, придумываешь посторонних...

«Что за фигня в голову лезет! – выругался Абрамов. – Гони вину, послушайся умную женщину. Красивую. Горячую. Руки ожечь можно».

2

Мэлоди уединилась в своей комнате. Она не верила себе. Ее по-настоящему испугала фраза, которую она могла повторять до бесконечности: *«Я распутала дело о катастрофе над Черным морем. Я распутала его в одиночку. Только я одна знаю истину»*.

У нее на руках имелись обширные данные о дислокации средств украинских ПВО в Крыму. Она в деталях изучила сценарий учений. Она смотрела шире российских и украинских специалистов, привлеченных к расследованию. В отличие от многих, она была не только опытным офицером военно-воздушных сил. Она представляла разведку этого рода войск.

Члены комиссий перерыли полигон на мысе Опук, забрались на гору с одноименным названием, излазили весь Керченский полуостров, допросили всех, кто участвовал в учениях. Они замкнулись в круге, который сами и обозначили. Мэлоди вышла за пределы этой рабочей сферы. С подачи капитана Абрамова, который вскользь упомянул однолитерный ракетный комплекс в Евпатории, она припомнила один очень интересный зенитный нюанс... Но прежде не раз и не два прогнала в голове уже установленные факты.

Итак, стреляли очередью из двух ракет. Одна ракета захватила ближний сигнал от мишени, а вторая – дальний, отраженный сигнал от пассажирского лайнера. Чем ближе вторая ракета поднималась вверх и ближе к лайнеру, тем сигнал, отраженный от него, становился мощнее, и встреча ракеты с целью произошла при идеальных условиях. Никаких перенацеливаний и перезахватов, о которых много говорилось в узких кругах, не было. *Одна ракета с самого начала шла на гражданский самолет. И сбила его. После подрыва ракеты стреляющий дивизион прекратил сопровождение рухнувшей в море мишени и выключил высокое напряжение передающих устройств.*

Мэлоди представила свои руки: она медленно сводит их и соединяет кончики пальцев, словно обнимает ежика.

Она бесцеремонно растолкала Эли Сайкса, усадила его за стол, включила настольную лампу, вооружилась авторучкой и чистым листом бумаги.

– Смотри, Эли, что получается. Головка самонаведения ракеты, находящейся в режиме наведения по дальней цели – а это пассажирский лайнер, – самостоятельно включает поиск по скорости. Вначале она ищет цель в узком диапазоне, «обнюхивая» окружающее воздушное пространство, затем после ряда сканирований переходит на широкий диапазон.

– Я это знаю, – хмурился Сайкс, не понимая, к чему клонит старший офицер разведгруппы. – Выходит, подсвет цели радиолокатором возобновился, и ракета нашла и перезахватила цель? Ты это хочешь сказать?

– Украинские спецы замкнулись на полигоне и выискивали стрелочника среди десятков ракетных подразделений. Это похоже на собаку в лесу, которая не может поднять лапу на все деревья сразу. Отсюда и растерянность. *Они нашли виновного в стреляющем дивизионе. Тогда как настоящий паразит окопался в другом месте.*

Мэлоди рассмеялась. Как мертвая, сравнил Сайкс. С холодным блеском в глазах. Как сумасшедшая, пришло в голову новое сравнение.

Он вынужденно включился в работу.

– Но если подсвета не было и украинский расчет после обстрела и поражения мишени в ближней зоне выключил «мощность», то поражения гражданского лайнера на дальности в *триста километров* не могло быть ни при каких обстоятельствах.

– По этой причине не сработала и система самоликвидации ракеты, – подхватила Мэлоди. – Система заключается в том, что ракета подрывается *при отсутствии* отраженного сигнала от цели в приемном тракте головки самонаведения. Если головка не нашла цель и не перзахватила ее, то тогда на рули ракеты выдается команда «предельно вверх», – Мэл в очередной раз показала руками. – Ракета свечой уходит в верхние слои атмосферы, и только там осуществляется подрыв боевой части. Бух!

Вслед за этим Мэлоди снова выдала короткий смешок и продолжила:

– Но если цель *подсвечена*, то ни о какой самоликвидации ракеты не может быть речи. В этом и заключается особенность ЗРК «Вега».

– Мэл, чего ты хочешь от меня? – взмолился Сайкс, ерзая по стулу в одних трусах. – Назавтра мы решили свернуть работу и вернуться домой. У меня неприятности – развод на носу. Жена на шестом месяце, но уже хочет уйти от меня. Ей кажется, я изменяю ей на каждом шагу. В прошлом месяце сломал палец. Она говорит: «Соседку трахал?» Я не сдержался: «Пальцем?!» – Сайкс выставил на обозрение перст. – Знаешь, Мэл, лучше изменять жене, чем прослыть в ее глазах занудой. А я с твоей подачи запросто могу превратиться в смолу.

– Хрен оторвешь?

– Хрен оторвешь, – подтвердил Сайкс и сделал предложение: – Тебе бы фамилию сменить. Мэл Трахер – звучит рекордно сексуально. – Он прикурил сигарету и пустил дым в сторону Унгер. – Если не обиделась, рассказывай, чего ты там нарыла.

Мэлоди было не до обид.

– Все дело в литере настройки клистрона зенитно-ракетных комплексов. Литеры «Веги» на мысе Опук и «Веги» в Евпатории идентичны, сказал Саня Абрамов. А ты добавил: «*Комплексы-близнецы*». Зенитно-ракетный полк в Евпатории не принимал участия в стрельбах. Теперь, Эли, представь себя на месте командира этого полка, на месте командира расчета. Ну, напряги свои извилины. Ты не бери в голову стартовую батарею, пункт управления и целеуказания, заряжающую машину и сами ракеты: *ты же не собираешься стрелять*. Вот на этом заостри свое внимание. Что осталось?

– Радиолокатор подсвета цели.

– И ты знаешь, что по мишеням также стреляют очередями, чтобы гарантированно поразить цель.

– Я что, больной, чтобы забыть это? Об одиночных выстрелах речь не идет в принципе, поскольку вероятность поражения одной ракетой меньше девяноста процентов.

– Но ты можешь поразить свою цель, не нажимая на «Пуск».

– Мэл, порою ты порешь такую чушь!..

– Это только начало, слушай дальше. Есть такой зенитный нюанс: независимо от того, какой дивизион выполняет боевую стрельбу, одновременно с ним тренировки по обнаружению, захвату и сопровождению этих же мишеней осуществляют другие дивизионы, не включенные в план учений. *Ни один здравомыслящий командир не упустит возможности потренировать свои расчеты*, – акцентировала она.

– Думаешь, зенитный полк в Евпатории сопровождал в порядке тренировки российский лайнер?

– Точно. Стреляющий дивизион на полигоне выключил «мощность», а дивизион в Евпатории подсвечивал цель ракете, находящейся в полете. То есть подсвет и самонаведение были, пассажирский лайнер был обречен. Вот тебе пример. Мы смотрим телевизор. У нас одинаковые пульта дистанционного управления – читай: однолитерные. Я незаметно ставлю видеомат-

нитофон на паузу и удерживаю кнопку пульта. Ты не в состоянии снять картинку с паузы до тех пор, пока я не отожму кнопку. Ты, не видя мои действия, не понимаешь, в чем дело, и не в состоянии ничего изменить. Вот и наш неизвестный друг из Евпатории держал в руках пульт дистанционного управления и удерживал по лучу нужную ему картинку. Причем его от полигона отделяли десятки километров. Вот так сбивают самолеты, не нажимая на «Пуск». Вот тебе и комплексы-близнецы!..

– Что сказано в отчетах об однолитерных радиолокаторах подсвета? – оживился Сайкс.

– Группировка зенитных ракетных войск Крыма насчитывает несколько групп зенитных дивизионов. Украинцы и русские утверждают, что однолитерных РПЦ на всем Крымском полуострове нет. Мы должны проверить данные Абрамова.

– Будешь докладывать наверх?

– Разумеется, как же иначе.

– У меня просьба. Растолкай Маркоса. Почему он должен спать и видеть красивые сны, а я слушать твой бред?..

Вечером следующего дня Мэлоди Унгер вылетела на самолете в Тель-Авив. Вначале она доложила свои соображения командующему ВВС Леви Эжбу, затем в его присутствии – директору военной разведки «Аман».

После доклада она больше часа просидела в приемной в ожидании «вердикта» для осуществления дальнейшей работы. За толстыми стенами кабинета шел разговор о подтверждении ее полномочий как руководителя разведгруппы в Крыму. Директор «Амана» Шимон Эйтан, бросив: «Она изобрела идеальную диверсию», предложил «не впутывать в это дело посторонних».

– Унгер должна продолжить работу в Крыму. Необходимую для работы информацию давать ей незамедлительно. Во-первых, установить личность командира зенитного полка в Евпатории, офицеров расчетов. Начиная с низшего звена, Унгер непременно выйдет на руководящий состав. Руководители как таковые нас мало интересуют, нам главное – выйти на конкретного офицера, который осуществлял подсвет целей, и выяснить причины его неординарного поведения: небрежность, злой умысел и так далее. В любом случае нам будет полезен свой человек в отдельно взятом подразделении ПВО Украины. Вербовочную работу также предлагаю поручить Унгер. Состав разведгруппы оставить без изменений: Мэлоди Унгер, Эли Сайкс, Маркос Бегин. Кстати, какое у нее звание?

– Старший лейтенант, – ответил Леви Эжбу.

– Думаю, ты ошибся. – Генерал коснулся своего плеча. – Лично я разглядел капитанские погоны.

Мэлоди могла только догадываться о содержании разговора за дверью кабинета. На ее плечи не опустилась печаль, связанная с убийством министра туризма Израиля – Рехавы Зеэви убили сегодня, 17 октября. Она счастливо улыбалась, не думая о повышении и о том, что ее заметили на самом вершине военной разведки. Она была чуточку горда, решив трудную задачу, капельку взвинчена. Она видела море трудной работы и уже начинала жить в предвкушении еще одной удачи. Ничего нереального в ее жизни уже не существовало. Ей было всего двадцать семь лет. И в ее понимании этот эпизод жизни был сравним с закладкой фундамента Тель-Авива, первого чисто еврейского города в Палестине. 1908 год. Города еще нет – но на берегу в северной Яффе посреди песчаных дюн собрались несколько десятков человек, среди них будущий мэр Города Весны провел розыгрыш первых шестидесяти земельных участков. Что было сравнимо с освоением Дикого Запада: те же снимки колонистов на фоне пустырей и стройматериалов и невидимые для объектива индейцы, убегающие прочь от цивилизации. Но с одним отличием: евреи хлынули из Европы в Палестину не за сказочным богатством, но охваченные идеями сионизма, вдохновленные идеалами создания социально справедливого

общества – и мощной армии, от которой бежали в Газу сдавшиеся на милость победителю арабы, населяющие Яффу. Все закономерно.

Мэлоди на руки получила список из десятка офицеров евпаторийского полка. И в первую очередь обратила внимание на командира РПЦ лейтенанта Андрея Карпатова. Именно он обслуживал радиолокационную станцию непрерывного излучения, литера которой совпадала с литерой РПЦ «Веги» на мысе Опук. Это он следил за сопровождением цели, подсвечивал ее в процессе самонаведения.

Военная разведка за три дня сумела добыть адреса десятка украинских военнослужащих.

3

Евпатория

Двухэтажный дом с просторной террасой был в сотне метров от моря. «Черное море – это не Красное», – Мэлоди перевернула замечание Александра Абрамова. Прозрачность не та, а по сути – сероводородная зона. Также она отметила контраст: наверху голая степь, а под водой нагромождение скал, множество рифов, о которые терлись ласковые волны.

Унгер подошла к крашеной калитке и обнаружила сбоку почтового ящика кнопку звонка. Первым на мелодичный звон откликнулся пес неизвестной породы. Он подбежал к калитке, громко лая и виляя хвостом.

«Андрей?» – задалась вопросом Мэл, глядя на парня лет двадцати четырех. Высокий, мускулистый, машинально отмечала она, несимпатичный: слишком большой нос и узкие губы.

– Здравствуйте! – поприветствовала его Мэл. – В объявлении на железнодорожном вокзале я прочитала, что вы сдаете комнату.

– Да, – обрадованно кивнул парень, одетый в спортивные штаны и безрукавку. – Проходите, – пригласил он, открывая калитку. – Собака не тронет. Вы на машине?

– Нет, – ответила Мэлоди, – добралась на автобусе.

– Вам подфартило. Власти у нас изобретательные. Химобработка машины – двенадцать гривен. Экологический сертификат – под тридцать. Правила нарушите – за вызов в суд замучаетесь платить. К чему эта обдираловка – не пойму. Все равно туристы все деньги в Крыму оставляют. – Андрей отказался от идеи рассказать об уникальном водоснабжении Евпатории: здесь вода обрабатывается ультрафиолетовыми лучами по новейшей технологии, и в этом плане Евпатория – второй в Украине город. – Есть комната в доме, террасу можете облюбовать, – продолжал он на ходу. – Понравится – я приберу там.

– Здесь не очень шумно?

– Тихо. Отец бы сказал: «как при Брежнев». Родители иногда поругиваются, собака их разнимает, – пошутил он. – Вы откуда, если не секрет?

– Тель-Авив, Израиль. Меня зовут Мэл.

– Андрей, – представился хозяин. – Вы одна приехали?

Унгер ответила афоризмом:

– Кто ездит один, тот приезжает первым.

Она остановилась посреди двора, поставила сумку на мощенную красным кирпичом дорожку и привлекла внимание хозяина вопросом:

– Скажите, Андрей, какие приемы и способы самоликвидации есть для «двухсотки»? Я знаю точно: если в приемном тракте головки самонаведения отраженный сигнал есть – а в случае с пассажирским лайнером он, несомненно, был, – то ракета будет преследовать цель «до упора». Я почему интересуюсь. Сама в войсках ПВО служу. Обрадовалась, когда ваши соседи отозвались о вас как о специалисте в этой области. Будет о чем поговорить за бутылочкой каберне.

– Кто вы? – Андрей побледнел. – При чем тут самоликвидация?

– Если вы не знаете, я могу объяснить. Слушайте меня внимательно. Я не собираюсь давить на вас специальными терминами, я анализирую ваши действия и в конце задам пару вопросов. Допустим, время полетное превышает время по условиям ограничений полигона. В этом случае должна пройти команда на самоликвидацию ракеты. Установка такой схемы требует чуть ли не полной разборки второго отсека ракеты, классных специалистов, специального оборудования. А теперь обещанные вопросы. Вы положились на заявления ваших начальников, когда сопровождали российский лайнер и подсвечивали его в процессе самонаведения ракеты? Подумали, что ракета уйдет по «млечному пути»? Или вы сделали это преднамеренно?

Мэл покачала головой и неприязненно скривилась:

– И то и другое скверно. Хотя бы потому, что у вашего начальства на установку схем попросту нет денег. Я бы и с вами поговорила о деньгах, но, думаю, время еще не настало. Его вовсе не станет, если вы начнете отнекиваться. Я передам собранные мною материалы вашему начальству. Немного подумаю и ознакомлю с ними прессу. Вам сколько лет? Отвечайте! – жестко потребовала Унгер.

– Двадцать пять. Скоро будет, – с запинкой ответил Карпатов.

– Вся жизнь впереди, – заметила Мэл. – Лучше слушать перебранку родителей и лай пса, чем натуральные столкновения сокамерников и ругань надзирателя. Ведите меня на террасу. Пойдите, возьмите мою сумку. Успокойтесь в конце концов! Чего вы трясетесь? Я здесь для того, чтобы спасти вас, а не утопить.

Мэл шла позади парня и слушала его сбивчивую речь.

– Я все это по глупости натворил, по глупости, понимаете? У меня и в мыслях не было убивать кого-то. Ну как вам объяснить... *Я же не втыкал нож в людей, не стрелял, смертей не видел, как меня можно обвинить в убийстве?*

– Прямо от зубов отскакивает, – заметила Мэлоди. – Считаете себя мальчишкой, а свой поступок ребячеством?

– Да, да, – быстро ответил Андрей. – Наверное, это так.

– Значит, это ребячество? – Мэл остановилась на крыльце и передала лейтенанту заранее подготовленный фрагмент отчета комиссии. – Читайте, – потребовала она.

Андрей плохо соображал, руки у него подрагивали, он начал с середины первого абзаца: *«...на фрагментах обшивки самолета были обнаружены округлые отверстия, напоминающие пулевые. Своей формой и своей множественностью они вплотную привели к выводу, что такие повреждения могли быть причинены только поражающими элементами боевой части ракеты 5В28...»*

– Поражающие элементы – это «шарики», – продолжала давить Унгер. – Боевая часть ракеты насчитывает их около сорока тысяч. При подрыве боевой части смертоносное металлическое облако приводит к гарантированному поражению воздушной цели. Оставшиеся фрагменты летательного аппарата после падения на землю напоминают дуршлаг. А люди, которых вы не били ножом, превратились в фарш... Вот так, Ваше Ребячество. Еще раз повторяю: пока вас никто не обвинял. Я хочу поговорить с вами. Вы расскажете все в деталях, я подумаю, как отвести от вас угрозу. Официально расследование закончено, на самом деле натуральный «разбор полетов» затянется на многие месяцы. По моим следам пройдут менее сговорчивые люди. Отличная терраса, Андрей! Мне она нравится. Останусь на ночь. Сколько я вам должна?

– Нет, нет, – запротестовал хозяин.

– Это обязательное условие. И еще одно, – Мэл круто перешла на «ты». – Забудь все, чему тебя учили и от чего предостерегали, и останешься на свободе.

Где-то здесь оборвалось все радужное, что было связано с этим делом. Мэл немного пожалела Андрея – больше по той причине, что военная разведка втянула его в свои сети и больше не отпустит. Речь шла не о его промахе, а о точном попадании не без его участия. А с подачи Мэл «Аман» может потребовать от лейтенанта повторных действий.

Она открыла новый путь в плане совершения диверсий. Этот путь мог бы показаться смешным, поскольку лежал на обочине совпадений, стечений обстоятельств, которые в принципе больше повториться не могли. Однако это был поверхностный взгляд. Мэл пришла к выводу, что этим процессом можно управлять, взяв за основу учебные, они же практические стрельбы, и подогнать время диверсии с точностью до минуты. И пусть даже данная диверсия будет одной-единственной в своем роде.

Мэл предвидела будущее: работа с Андреем не прекращается. Его стимулируют деньгами, держат в узде угроз, пресекая его попытки уволиться со службы. По сути, планы грядущей операции лежали в ящике. Никто с нетерпением поджидать не станет, когда ящик Пандоры откроется, – он мог открыться, и этим все объяснялось.

Унгер соотнесла себя с разработчиком водородной бомбы, ставшим на путь запрещения своего детища.

Идеальная диверсия. Если бы Мэл могла услышать генерала Эйтана, она бы тотчас примерила это «совершенство» на себя. Собственно, она и скроила план диверсии, дело за портными «Амана».

4

Андрей принес бутылку домашнего вина и держал ее в руках, не решаясь выставить на стол. Мэл помогла ему, спросив: «Будем путь из горлышка?» Хозяин вернулся на террасу со стаканами и вопросом: «За что будем пить?» И сбился на классику, словно отдавал гостю должное: «За мое здоровье пить глупо».

– Не знаю, что тогда со мной случилось, – сбивчиво начал лейтенант, – до сих пор не могу объяснить. Как передать простыми словами свое внутреннее состояние.

Он вел настоящую, не учебную цель, отчего был переполнен адреналином. До коренных зубов был забит тягучим раствором и не мог от него избавиться. Он словно показывал семитонной ракете пальцем: «Взять!» Был готов выключить высокое напряжение передающих устройств, наплевав на угрозы – «Мы убьем тебя», – но словно прикипел к экрану и ставил дикий эксперимент. Он вторгся в процесс «не на жизнь, а на смерть», испытывал кошмар наяву и уже не принадлежал себе.

Позже он вывел формулировку: поклонение технике на уровне рефлексов под дулом пистолета.

Мэл снова пришла на выручку.

– Не можешь объяснить своими словами, объясни техническим языком. Я пойму. Если нет – переспрошу. Я начну, хорошо? Ты был далеко от полигона, но мог буквально видеть, что случится там. На головку самонаведения ракеты поступит отраженный от лайнера сигнал, так? Установленное правилами стрельбы соотношение сигнала к шуму в десять децибел соблюдается, верно? Оператор аппаратуры управления головки выдает в кабину управления «разрешение пуска». Расчеты уверены, что сопровождают мишень на дальности шестидесяти километров...

– Однако они обстреляли гражданский самолет на дальности около трехсот километров и по лучу другого зенитного комплекса. Все верно. Вы словно стояли у меня за спиной и читали мои мысли. – Он прикурил и разогнал дым рукой. – На экранах индикаторов кабины управления «двухсотки» отметка лайнера идентична с отметками от малоразмерных и маловысотных целей. Они попадают в нижний, сильно изрезанный лепесток диаграммы радиолокатора.

– Я знаю, – покивала Мэлоди, поправляя прядку, упавшую на глаза.

– Операторы увидели на экранах индикаторов отметку от лайнера и приняли ее за сигнал от мишени. На экранах высветилась информация без дальности до цели.

– Почему?

Это был единственный вопрос, на который Мэл ответа не знала.

Андрей ответил прямо:

– Чтобы не получить два балла за пропуск учебно-боевой цели.

«Вот в чем дело», – снова покивала Унгер. И жестом руки попросила Андрея продолжить.

– Поэтому расчеты сразу же осуществили пуск ракеты. Им предварительно было известно, что появление цели возможно на дальности пятьдесят километров, и оператор при стрельбе выставил вручную «пятьдесят километров». Я бы тоже так сделал.

– А если бы после захвата лайнера операторы выбрали неоднозначность по дальности?

– Строб дальности ушел бы на реальное расстояние до цели. То есть высота сразу бы «ушла» на десять-двенадцать километров, а дальность – на триста, – пояснил лейтенант. – Именно это я видел на своем экране.

– Это и были координаты пассажирского лайнера.

– Да.

– Как же тебя угораздило, не пойму!

Из двух зол Андрей автоматически выбрал меньшее. Лучше и спокойнее признаться в халатности, нежели в злом умысле. Может быть, он поступил бы по-другому, имея он контакт с незнакомцем, угрожавшим ему расправой. Тот разделал Андрея под орех: либо ты выполняешь наши требования, либо пойдешь подыскивать камень на могилу. И скрылся, паразит, оставив свою мрачную тень. Она преследовала Андрея повсюду – дома, в полковой столовой, в аппаратной кабине. Тень была вооружена удавкой. В какой-то мере его признания Мэл были чистосердечными: он все это по глупости натворил, у него и в мыслях не было убивать кого-то. Однако слова незнакомца запомнил крепко и попытался защититься ими.

Он успел прикинуть другой вариант. Он наезжает на Унгер: «Мне приказали, не лезь в это дело». То есть болтает лишнее. А это конец. Успел подумать и о том, что это проверка. Что же, он из этой ситуации вышел с честью.

– Сам не помню, когда бы мне так не везло, – откровенно признался он, отвечая на вопрос Мэлоди. – Вы из Тель-Авива, стало быть, работаете на израильскую разведку.

– Поразительное умозаключение, – усмехнулась гостья.

– В каком вы звании?

– Со вчерашнего дня я капитан. Вижу, тебе полегчало.

– Выговорился. Словно камень с души упал. Только в чью пользу я выговорился?

– Пока что в свою, – ответила Мэл после короткого молчания. – А дальше время покажет. Живи, Андрей, и постарайся забыть о нашем разговоре. Надеемся на то, что он не возобновится. Я заметила, у тебя заборчик хиленький. Надо бы починить. – Мэл передала лейтенанту три тысячи долларов. – Чистый листочек бумаги найдется? Напиши: получил от капитана Мэлоди Унгер три тысячи долларов за информацию, имеющую отношение к моей работе на должности такой-то в войсковой части такой-то. Число, подпись.

– Ни хрена себе!

– Это твой ответ?.. Не бойся, это всего лишь бумага. Ракетой с системой самоликвидации мы тебя не видим. Ты действительно дал нам информацию...

– Но денег я не просил, – перебил Андрей.

– Откажись от денег, – спокойно заметила Мэл. – Так и напиши: информацию предоставил безвозмездно. Прибавь: «Извините, я не знал, что расследование выйдет за пределы полигона, хотя рассчитывал на это».

– А может, написать: одна моя ошибка меня ничему не научила, разрешите совершить другую?

– Если ты полный debil, напиши. Ты на Украине, а не в США. Это в Штатах ты мог бы гаркнуть своему начальнику: «Я хотел победить, сэр! Пассажиров самолета размазало по

земле, с тех пор я не улыбаюсь». И тебя простили бы. И орден дали со словами: «Мы гордимся тобой, солдат! Ты научился бегать, не умея ходить!»

– Вы умеете успокаивать.

– Работа такая. Плесни-ка еще винца, Андрей Викторович. Говоришь, с собственных виноградников? Урожай, пришедшийся на миллениум? Классно!

Мэл дала Андрею номер телефона:

– Позвони, если возникнут трудности. Скажешь, что тебе нужна Мэлоди, продиктуешь абоненту свой номер телефона, будешь ждать моего звонка или меня лично. Там посмотрим.

Глава 2 ПРЕВРАТНОСТИ СУДЬБЫ

1

Крым, месяцем ранее

...«Брэдли» застрял в болоте «по уши», по самую башню. Механик-водитель чесал голову и повторял одно и то же: «Вы мне не поверите! Полетел трак на правой гусенице! Полетела лебедка! Нам не выбраться!» На вопрос «Что не полетело на БМП?» водитель ответил: «Термодымовая аппаратура для постановки дымовой завесы».

– Надо вытаскивать этот гроб! – Евгений Блинков отвел в сторону бойцов своей подгруппы, оставляя возле «Брэдли» командира, механика и наводчика. Экипаж не мог оторваться от двадцатитонной машины, три пары глаз проникали внутрь американской брони и украинского болота.

– Дважды два – четыре, это понятно. А вот два плюс два – это дайте подумать, – оценил ситуацию Николай Кокарев. – Что будем делать, Джеб?

Начало совместной российско-украинской учебно-боевой операции прошло на «ура». Подразделение диверсионной группы высадилось с корабля на необорудованный берег, бойцы захватили БМП, обезвредив украинский экипаж и десантный расчет машины. Места командира, механика и наводчика заняли сами курсанты диверсионной школы. И загнали средство передвижения в болото. Условный противник передвигался на таких же «братских могилах пехоты» и танках, в основном на «Брэдли» и «Абрамсах», списанных Пентагоном после операции «Буря в пустыне» и переданных в войсковые части Украины. Основные силы были брошены на поиски российской диверсионной группы, а та, маскируясь под условного противника, также передвигалась на американских бронемашинах.

Можно бросить чертову железку и выходить к объекту, подлежащему ликвидации, но не на что списывать рядовую, оттого обидную, ситуацию, при которой диверсанты утопили машину.

– Надо вытаскивать этот гроб! – повторил Блинков. Он командовал группой и был в ней самым старшим – двадцать три года. Николаю Кокареву – двадцать. Командир разложил на коленях карту и отметил расстояние до ближайшей дороги. – Будем выходить на дорогу и брать все, что передвигается на гусеницах.

– Муравья, например.

– Кок, отставить разговоры!

– Мне надо было садиться на место водителя. Я бы...

– Ты бы помолчал. – Блинков отметил точку на карте. – Населенный пункт Вениаминовка. Наш противник наверняка прочешет этот поселок. Выходим к западной части, посмотрим следы.

Группа из пяти человек, вооруженных «калашниковыми» с глушителями и армейскими пистолетами «БПС» – бесшумный вариант «стечкина», вышла к дороге. Бойцы заняли позиции для наблюдения. Николай Кокарев сместился к обочине и оглядел следы. Вернувшись, доложил командиру:

– «Абрамс». Расстояние между гусеницами – два двадцать, ширина – семьдесят. Проехал в поселок минут двадцать назад. Конденсат выхлопа с травы совсем свежий, не успел испариться. Сколько до поселка, Джеб?

– Два с половиной километра. – Блинков поднял руку: «Внимание!» Со стороны поселка раздался рокот двигателя. Через пять минут в поле зрения разведчиков попал силуэт танка. Он неожиданно свернул с дороги. Еще через полминуты его рокот затих.

Блинков поднял бойцов энергичным взмахом руки. Перебегая от дерева к дереву, диверсанты вплотную подошли к небольшой поляне.

2

В отдаленных поселках полуострова жители вели себя странно. Они прятались по домам, когда по деревенским улицам проезжал советский танк, и дружно высыпали из домов при виде «американской невидали».

«Абрамс» остановился в центре поселка Вениаминовка. Украинский экипаж и два разведчика сошли на землю с видом завоевателей, привезших на гусеницах пыль с далекой планеты под названием США. Дуло танка было обращено в сторону беленого сельмага. Продавщица в это время бросила кормить поросят и, вытирая на ходу руки, помчалась открывать магазин. Танкисты набрали паленой водки и просроченных консервов, свистнули девчатам и помогли им забраться на броню. Командир танка громко сказал то, что и должен был сказать, возвышаясь над башней штатовского «Абрамса»:

– Как я люблю эту работу!

Механик-водитель взял курс на рожицу и остановил машину в середине уютной поляны. Заряжающий прихватил с собой магнитола и врубил музыку. Подруги устроили на броне танка стриптиз.

3

Кок невооруженным глазом посчитал экипаж и разведчиков по головам.

– Пять олухов. Нехило они выполняют боевую задачу.

– Неплохо, – согласился командир. – Будем брать тепленькими.

Диверсанты подошли к танкистам, маскируясь за громадой «Абрамса». Несколько секунд выжидали, прислонившись к броне. Джеб показал два пальца и жестом руки отправил двух бойцов в обход танка спереди. Его тройка обходила машину сзади. Разобрав экипаж по одному человеку на каждого, бойцы рванули к ним.

Джеб взял на себя командира танка. Опрокинув его на спину, он приставил к его шее нож и чуть надавил.

– Тебя больше нет, – пояснил он.

Танкист был в корне не согласен с этим. Он задержался, пытаясь вырваться из мертвой хватки диверсанта. Его примеру последовали остальные члены экипажа. Каждому из них «перерезали горло», они тем не менее отчаянно сопротивлялись. Блинкову пришлось успокоить своего визави крепким ударом в висок.

Через минуту танкисты были крепко связаны. Подруги с интересом наблюдали и ждали развязки.

– Кок, выруби музыку. Ну что, – продолжил Блинков, когда на поляне воцарилась тишина, – как будем оформлять это безобразие, парни?

– Вы доигрались, суки! – выкрикнул, брызжа слюной, командир танка в звании лейтенанта.

– С каких таких дел? – вступил в разговор Кокарев, присаживаясь рядом на корточки. – Мы тут крадемся в тиши, с утра маковой росинки во рту не было, а вы с телками бухаете. Пиф-паф, братва!

Эти слова еще сильнее распалили украинца.

– А ну-ка развяжите нас! Я – лейтенант! Я вам приказываю!

– Сейчас ты не лейтенант, ты – «уе», – с легкой издевкой заметил Джеб. – Ты не командир танка, ты командир «Абрамса», сечешь разницу? Кок, Швед, заводите танк. Вытаскивайте нашу бээмпэшку и возвращайтесь назад.

Николай Кокарев и Костя Шведов с готовностью откликнулись на приказ Джеба. Швед нырнул в люк «Абрамса» и занял место командира. Николай вполз на кресло водителя-механика через люк в бронелисте. Кресло с мягкой обивкой, подголовником и поясничной опорой было расположено по оси танка. До этого Кок управлял «Абрамсом» на тренажере, а там не предусмотрены такие излишества. Николай впервые занял положение полулежа и уставился на свои приподнятые ноги. Он словно попал не в танк, а в кабинет гинеколога. Он запустил стартер, двигатель завелся. Танк отфыркался черным дымом и развернулся на месте. Костя оригинальным приемом избавился от женского пола на броне, разворачивая башню стволом вперед. Давя подлесок, «Абрамс» помчался к болоту.

Механик БМП уже приготовил тросы. Закрепив их на кронштейнах танка, он отдавал команды, красноречиво жестикулируя:

– Давай! Потихоньку! Внатяг!

Почти шестидесятитонный танк натянул застонавшие тросы, и «Брэдли», уступающий ему в весе ровно в три раза, гигантской черепахой начал выползать из болота. Едва он оказался на суше, механик удивленно вытаращил глаза: обе гусеницы были на месте.

Когда «Абрамс» остановился в центре поляны, плененный лейтенант внезапно успокоился. Джеб перерезал ремни на его руках и ногах. Николай налил полный стакан водки и поднес командиру танка:

– До дна! За ваш упокой и наше здоровье! До дна, бля! – поторопил он его. – А там, как говорит наш босс, поглядим.

Условно ликвидированный и едва владеющий языком лейтенант взялся за рацию, как только российские диверсанты покинули поляну. Он выходил на связь с противодиверсионным подразделением. Его командир получил точные координаты российской группы, и вскоре машины с десантом окружили район и взяли диверсантов в кольцо.

– Вы получили наводку от мертвого танкиста! – не мог успокоиться попавший в плен Джеб.

– Ты еще скажи, что так нечестно, – отвечал лейтенант-спецназовец, ровесник Джеба.

– Экипаж танка был уничтожен моей группой. Ваши бойцы были пьяные в стельку.

– Они были трезвые и находились со мной.

– Когда?

– В то время, которое ты укажешь в отчете. Мой тебе совет, братишка: не пиши о БМП, которую ты утопил в болоте. Мои бойцы выскоблят ее и приведут в порядок. Сколько ты служишь? – спросил лейтенант.

Джеб ответил не сразу, словно незначительный срок унижал его достоинство.

– Шесть месяцев.

– Может, еще через полгода-год ты чему-нибудь научишься, а к концу службы станешь настоящим профессионалом. Но при одном условии: не доверяй никому, парень, даже мертвым. – Украинский офицер искренне улыбнулся русскому спецназовцу и дружески похлопал его по плечу.

Российско-украинские учения носили название «Фарватер мира – 2001». Они в основном проходили на морском десантном полигоне в районе горы Опук на Керченском полуострове и на базе оперативно-тактического тренажера «Диалома» российского Черноморского флота в районе Сак. Российский штаб планировал выполнить около ста боевых упражнений с участием боевых кораблей, морских пехотинцев с их высадкой на необорудованное побережье, авиационной ударной группировки, ракетно-артиллерийских подразделений.

В конце сентября 2001 года капитан Абрамов принимал участие в подготовке осеннего сбор-похода. А это всегда состязания флотских экипажей на приз главнокомандующего ВМФ. Абрамову достался другой «приз». Тогда никто не предполагал, что учения войск ПВО Украины обернутся кошмарной катастрофой...

Капитан был рядом со своими будущими агентами, но ни он, ни Блинков и Кокарев пока еще не знали друг друга. Впервые они встретятся летом 2004 года.

Глава 3

ТЕНИ ПРОШЛОГО

1

Москва, февраль 2006 года, пять лет спустя

Репортер российского телеканала Илья Чаплыгин справедливо посчитал: его работа на государственную телерадиокомпанию завершилась мощным проходом по центру, и он головой влетел в чужие ворота. Он смотрел вслед чернопиджачной свите министра иностранных дел Иванова, в центре которой возвышался сам министр, известный своей вспыльчивостью. Репортер предчувствовал, что интервью закончится срывом министра, только что вернувшегося из рабочей поездки в США. Иванов еще не успел вылететь из Вашингтона, а мировая пресса поспешила объявить об очередном провале российского дипкорпуса и безоговорочной победе американского госдепа. То было написано на вечно хмуром лице высокопоставленного дипломата, которого в правительственном аэропорту осаждали толпы российских и иностранных журналистов. Репортеры с микрофонами виделись профессиональными подрывниками; операторы в массивных наушниках походили на пулеметчиков, выбравших боевую, классно иллюминированную точку для серии убийственных выстрелов. Именно это увидел министр в зоне аэровокзала, оборудованной для прессы.

Все вопросы, адресованные главе внешнеполитического ведомства России, касались одной темы. 9 февраля, в четверг, выступая на пресс-конференции по итогам состоявшихся в Мадриде российско-испанских переговоров, президент Путин заявил: «Надо уважать выбор палестинского народа. Мы, сохраняя наши контакты с организацией «Хамас», намерены в ближайшее время пригласить руководство этой организации в Москву». В Израиле это заявление вызвало однозначное недовольство. «Террор не будет узаконен», – говорилось в официальном заявлении канцелярии премьера.

Глава МИДа России, накануне поездки в США потерпевший неудачу и в переговорах с Ираном, плохо владел собой в окружении журналистов. Он ожег взглядом израильского спецкора, вытянувшего руку до небес, и резким кивком дал ему слово.

– Министр иностранных дел Израиля Голда Саар не получала официального приглашения в Москву больше двух лет. Не кажется ли вам, господин Иванов, что более логично в этой ситуации сесть за стол переговоров вначале с госпожой Саар, нежели с лидером «Хамаса» Машалем.

– По техническим причинам мы не можем пригласить в Москву министра иностранных дел Израиля до того, как примем делегацию «Хамаса», – последовал ответ министра.

И вот тут черт дернул Илью за язык.

– А когда же? – выкрикнул он. И сам себе показался школьником.

– Через час после прилета делегации! – отрубил главный дипломат, глядя на микрофон с логотипом телекомпании, словно запоминал его, хотя знал Илью в лицо. – Можете меня процитировать и считать это официальным приглашением. Еще есть вопросы?! Спасибо!!

Спецкор с самой распространенной в Израиле фамилией Коэн многозначительно присвистнул и панибратски похлопал Илью по плечу.

– Неплохо ты его стимулировал. Отличная провокация. Главным героем моего репортажа будешь ты. Я назову его «Скользкий путь катетера».

Илье было не до смеха. Он не мог предположить, во что выльется его неосторожный выкрик, который и вопросом-то не назовешь. В начале девятого вечера ему из израильского посольства в Москве позвонил Шауль Коэн и поделился последними новостями.

– По инициативе Голды Саар состоялся телефонный разговор с главой вашего МИДа. Саар была коротка: «Считаю ваше заявление прессе официальным приглашением». Поздравляю, Илья! Это обоюдная вилка. Теперь ни та, ни другая сторона не могут отказаться от своих инициатив. Готовься вслед за *вашим* Машалем взять интервью у *нашей* Голды, – дважды акцентировал он. – Будь уверен, наша министр свое слово сдержит. Тут дело принципа.

– Порыв, – начал было защищаться Илья. – Саар отреагировала моментально, да? Это ничего не значит.

– Зря ты так думаешь. Она же не из телефонной будки звонила. Обмен острыми уколами между министрами и готовый пресс-релиз уже в электронных СМИ. Полистай странички...

Еще через полчаса Илью вызвали на ковер. На столе главного редактора стояла миниатюрная гильотина, подаренная ему коллегами из «Либерасьон».

– Присаживайся, клади свой язык на плаху, – начал начальник. – Не скажу, что пресс-служба МИДа оборвала мой телефон, но один звонок состоялся. Ты уже в курсе заявления Голды Саар?

Илья боднул головой:

– В курсе.

– О чем ты думал, когда сорвался на министра?

– Я сорвался?! – обалдел Илья. – Не я сорвался! Если ты внимательно смотрел запись, то мог заметить, что не я задал провокационный вопрос, а ненормальный Коэн! Я лишь уточнил: «Когда?» Это Коэн стряхнул золотую пыль с головы министра.

– Да, это было просто и красиво.

Илью потянуло на нравоучения.

– Наши министры должны быть умные, сдержанные, сильные и красивые.

– А Путин один...

Редактор с минуту молчал.

– Ты готовишься к интервью с Машалем?

– Готовлюсь, разумеется.

И тут Илью осенило. Он понял, что кроется за вопросом шефа. На волне министерской невоздержанности интервью с лидером «Хамаса» получится каким угодно, но только не постным. Репортаж вызовет у зрителей интерес к новой «скандальной» фигуре от журналистики. Даже поверхностный взгляд на эту проблему указывал на Илью как на «сводника». По сути, это он организовал встречу двух министров. И какую встречу! Пусть пройдет не час, а два, три, но на летное поле Внуковского аэропорта сядет самолет Голды Саар. Он повторит незамысловатый маршрут лайнера с лидерами «Хамаса» на борту по рулежной дорожке к терминалу. Что-то в этом роде Илья прочел на лице редактора. Журналист был так счастлив, что не смог бы сразу посчитать звезды в Северном полушарии.

2

Дамаск, Сирия

Илья Чаплыгин перевернул страницу в блокноте и в очередной раз пробежал глазами выдержки из текста с громким заголовком: «Досье на лидера «Хамаса» Халеда Машалья».

«Халед Машаль родился в 1956 году под Рамаллахом... В 1976 году с семьей бежал от военных действий в Кувейт... Окончил факультет физики Кувейтского университета... В 1990 году переехал в Иорданию, где присоединился к «Хамасу»... В 1997 году израильская разведка «Моссад» попыталась его отравить... Из Иордании Машаль переехал в Катар, оттуда в Сирию. В Дамаске он возглавил местное бюро, а потом и политическое бюро «Хамаса»».

Чаплыгин снова перевернул страницу, где размашистым почерком выписал первый вопрос: «Господин Машаль, чего вы ожидаете от поездки в Москву?» Вопросов было

несколько, они могли уместиться на одной странице. Однако Илье сценарием предписывалось: «с глубокомысленным видом читать перед камерой рабочие записи».

28-летнего Илью Чаплыгина ожидало еще одно интервью с Машалем. Беседа планировалась на борту российского лайнера: за рабочим столом, на фоне иллюминаторов, под мерный гул самолетных турбин, на пути палестинской делегации в Москву. Этот вопрос был согласован с кремлевской администрацией.

Лидер «Хамаса» задерживался. Чаплыгин не очень уютно чувствовал себя под прицелом черноглазых телохранителей Машаля, здоровенных двухметровых шкафов. Своими могучими телами они заполнили все пространство кабинета, шумным дыханием выгнали из него весь свежий воздух. Илья ослабил узел галстука, повел затекшей шеей. Что и говорить, ему предстояла встреча с легендарной личностью.

Офис Машаля располагался неподалеку от старого города, обнесенного древней крепостной стеной, за которой взмывали в небо шпили и купола мечетей, дворцов, крыши массивных зданий с огромными порталами. Их можно было увидеть из окна этого трехэтажного здания, выдержанного в современном стиле.

Машаль вошел в кабинет неторопливой походкой. Он был одет в пестрый пуловер и белую рубашку. Его борода отливала благородной сединой, темные глаза улыбались. Он кивнул на приветствие журналиста, привставшего со своего места, усадил в кресло плавным жестом руки и устроился напротив, бросив ногу на ногу.

Илья вдруг куда-то заторопился. Он посмотрел на записи и едва не выдал последний вопрос, который касался неудачной попытки «Моссада» ликвидировать Машаля. Перестраиваясь на боевой лад, журналист успел качнуть головой и воспроизвести несуразное: «Вот вы сидите передо мной живой и здоровый, а ведь все могло кончиться плохо».

Илья не переставал удивляться одной простой вещи, которая никак не поддавалась корректировке. Почему, недоумевал он, израильские спецслужбы один в один походят на голливудские цеха по производству шпионских боевиков. Почему каждая миссия по ликвидации врагов Священной земли носит неистребимый оттенок невыполнимой. Ведь на каждого террориста, равно как и на мудреца, довольно простоты. Он в качестве примера мог привести одну неудавшуюся попытку ликвидации Машаля.

19 августа 1997 года в иорданскую столицу под видом канадских туристов прибыли семь агентов «Моссада» с заданием ликвидировать Машаля, ответственного за подготовку террористических актов, совершенных в Израиле. Арендовав легковую машину, в течение месяца они следили за Машалем, выяснили места, в которых он бывал наиболее часто, расписание рабочего дня. Приказ о проведении заключительного этапа операции поступил в конце сентября.

...В 11 часов утра Машаль подъехал к своей канцелярии и вышел из машины. В этот момент двое агентов напали на него.

Вот этот момент всегда вызывал у российского журналиста сильное недоумение. Почему бы агентам не забросать террориста гранатами, изрешетить из автоматов, изрезать на мелкие куски ножами, загрызть зубами... Они, по словам Машаля, сейчас сидевшего напротив Ильи, «каким-то непонятным прибором дважды коснулись моего затылка за левым ухом, в котором громко зазвенело, голова закружилась, и я потерял сознание».

А дальше в столице Иордании развернулся настоящий боевик. Неудачно отравленный Машаль, прежде чем рухнуть на тротуар, дважды успел крикнуть своему телохранителю несуразное, о чем напрочь забыли ликвидаторы: «Меня взорвали! Меня взорвали!»

Телохранитель Машаля Мухаммед Сабля действовал мгновенно. Его сумасшедшую реакцию в «Моссаде» не приняли в расчет. Сабля остановил такси и бросился вдогонку за покушавшимися, которые мчались в центр столицы. Несколько минут бешеной гонки, и двое ликвидаторов выскочили из машины и побежали к другому автомобилю, стоявшему с работающим двигателем и открытой задней дверцей. Сабля догнал агентов, закричал и – прыг-

нул на них, свалив обоих! На беду агентов, неподалеку оказались иорданские полицейские. Вторая группа агентов «Моссада» умчалась прочь на своем автомобиле. Причем «не от греха подальше», а напрямик во двор израильского посольства.

«Канадские туристы» отказались от предложения полиции пригласить в участок представителя канадского посольства. Король Иордании Хусейн пришел в бешенство. Оттава выразила возмущение по поводу использования канадских паспортов в столь неприглядном деле.

А состояние Машаля продолжало ухудшаться. Король Хусейн предъявил правительству Израиля ультиматум: спасти Машаля и освободить главу «Хамаса» шейха Ахмеда Ясина. Шейх отбывал с 1989 года пожизненное заключение в израильской тюрьме. Король направил в Вашингтон своего брата. Наследный принц Хасан привез Биллу Клинтону видеокассету с признанием «канадцев» в том, что они являются агентами «Моссада».

Билл Клинтон и Мадлен Олбрайт уединились в Овальном кабинете, посмотрели кассету, позвонили Биньямину Нетаньяху и делились с ним впечатлениями от увиденного около часа.

Тем временем Иерусалим развернул дипломатическую кампанию. В Амман съехались министр обороны, секретарь правительства и сам Биньямин Нетаньяху. Между Израилем и Иорданией была заключена «пакетная сделка». Машаля ввели противоядие, и он выписался из госпиталя. Вертолет израильских ВВС доставил в Амман шейха Ясина.

Илья, впервые ознакомившись с этим материалом, пришел к выводу: более захватывающего сценария, претендующего на «Оскара» в номинации «Лучший комедийный боевик», придумать было невозможно. Он видел в роли Машаля американского актера Эдди Мерфи; выкатив глаза и трогая пупырышек от инъекции, он орет: «Меня подорвали!» В роли отважного телохранителя Сабля он отчего-то видел французского комика Пьера Ришара: высокий блондин в черном ботинке ка-ак прыгнет на ликвидаторов!..

Это было бы смешно, если бы не было правдой.

Отвлечшись от темы, а точнее, переключившись на тему ликвидации, Илья задал последний вопрос. Он будто прочел по лицу Машаля всю политическую обстановку в ближневосточном регионе и мог тут же откланяться: «Я все увидел, снял, удачи!»

– Господин Машаль, в 1997 году на вас было совершено покушение...

Лидер движения запротестовал, энергично качая головой и цокая языком.

– Не для камеры, идет? – неожиданно предложил он, пребывая в отличном настроении. Он сбросил официальность и улыбнулся.

У него приятная улыбка, отметил Чаплыгин.

– Мухаммед, оставь нас, – попросил Машаль, не оборачиваясь.

Рослый охранник в костюме и примерно одного возраста с боссом наклонил голову и вышел из импровизированной студии.

– Сейчас я вспоминаю то время с улыбкой, но тогда мне было не до смеха. Я понял подоплеку вашего вопроса и не нашел в нем праздного любопытства. Потому что покушение на меня помогло освободить из израильских застенков нашего духовного лидера шейха Ясина. Также на свободу вышли еще семьдесят наших товарищей. Ведь вы об этом хотели спросить?

– Да, – подтвердил Илья, забыв смахнуть с лица удивление.

– Вы видели человека, который минуту назад вышел из этой комнаты. Это мой старый добрый друг Мухаммед Сабля. Он спас меня девять лет назад, и его роль в освобождении шейха не менее значима. Израильские спецслужбы на каждом углу и при каждом удобном случае кричат о своих удачных операциях. Но провалов у них куда больше. Последние годы они заявляют о себе как о лучшей в мире разведке. Исер Харел, основатель израильской разведки, осаживал своих подчиненных: «Да, мы хорошая разведка, но не самая лучшая». Сейчас генерал мог бы поправиться: «Мы паршивая разведка, но есть еще хуже». Есть ли?..

Машаль сменил положение в кресле и обхватил руками колено. И снова неожиданно рассмеялся.

– Никогда не забуду двух олухов, которые пасли меня возле офиса. По виду – туристы, европейского типа, они резко выделялись среди прохожих. Я подумал: откуда туристы в этой части города? Я направился к офису, и тут эти клоуны напали на меня. Один из них ткнул меня чем-то острым в шею... Меня привезли в больницу, я потерял сознание, находился между жизнью и смертью. Когда иудеи привезли противоядие, они не меня спасали, а себя. Многие политики за рубежом сошлись во мнении, что меня хотели похитить. Ну глупость же!.. Вы можете включить видеокамеры. Я расскажу о своей семье. У меня четверо сыновей и три дочери...¹

Илья просмотрел отснятый материал на борту лайнера, взмывшего с летного поля Дамаска. Он с улыбкой на лице представил, как через две-три недели он будет сидеть напротив Машаля и вести с ним дружескую беседу. Он оказался недалеко от истины, подумав о себе и Машале: «Мы нашли общий язык и даже понравились друг другу». Может быть, их сблизил немного рискованный вопрос Ильи о покушении на лидера движения. Вряд ли до него кто-то спрашивал Машаля об этом.

3

Евпатория

За пять лет и четыре месяца изменилось многое. Андрей Карпатов стал взрослее, в прошлом месяце он отметил двадцать девятый день рождения. На его погонах прибавилось звезд – теперь он капитан, командует зенитным комплексом С-200 и видит себя командиром зенитно-ракетного полка. Но не видит в этом обещанного стремительного продвижения по службе – скорее всего о нем забыли. А он – нет. Видно, план не сработал, думал он. Лайнер был сбит, люди погибли, а объединенного командования вооруженными силами двух стран нет и в помине. Наверное, работа была поставлена по принципу «выйдет не выйдет», а с Андреем, как с девкой, ничего не станется.

Пес неизвестной породы состарился и все реже подбегает к калитке. Забирается на будку и греет на солнце свои старые кости.

Андрей так и не женился. Его российские коллеги из состава Черноморского флота непременно подыскивают украинских невест, а капитан Карпатов словно ждет русскую. Отец стоит над душой: «Женись на еврейке, дубина! Они умные, однако».

Еврейка. Хитромудрая Мэлоди Унгер. Одна из тех, кто мог испортить настроение зенитчику при упоминании ее имени. С одной стороны, звучит это комично, с другой – натуральное поминание нечистой силы. И поминальный листочек имеется. Андрей сохранил номер телефона Мэлоди, на его взгляд – вещь бесполезную. Наверняка номер не раз изменился. Но не поменялся график получения «премиальных». Раз в полгода Андрей получал три тысячи наличными. Приходили разные люди. Привет – привет. Семена заказывали, Андрей Викторович? И – бух в ладонь конверт с «зеленью»! «Не забывают, суки, напомнить о точном промахе. Твари, паскуды, когда вы от меня отстанете?!» Тем не менее Андрей ждал «премиальные». Купил корейскую машину, сделал в доме капитальный ремонт, перекрыл крышу. На вопрос родителей «Деньги откуда?» отвечал грубо: «От верблюда!» В свободное от дежурств время подрабатывал частным извозом.

Вот и сегодня он выехал на «Киа» и – о, удача! – сразу же подцепил клиента на автовокзале.

– Куда едем? – весело спросил он, глядя на отражение клиента в панорамном зеркальце.

– Покатаемся по городу, – ответил чернявый, лет сорока пяти пассажир со вздернутым носом и полоской усов. И добавил: – Здравствуйте, Андрей Викторович.

– Так и знал! – скрипнул зубами капитан.

¹ Интервью составлено по материалам еженедельника «Независимое военное обозрение».

– Знали что?.. Ведете вы себя неосторожно, поаккуратней надо. К вам в машину сядет старый знакомый, которого вы подзабыли, назовет вас по имени, а вы: «Так и знал!» Что, нервы не в порядке? – продолжал спрашивать Яков Новицкий.

Новицкий был резидентом «Амана» в Крыму, и ни один приказ агентам не прошел мимо него по определению. До эмиграции в 1988 году в Израиль Яков служил в ракетном полку, дислоцированном в Нижнем Тагиле. На него отдел идеологической и воспитательной работы в дивизии возымел обратное действие. Ракеты четвертого поколения, нацеленные на запад и восток, и его перенацелили на эти стороны света. Он точно знал, что рванет на родину предков, и его не перехватит ни одна многотонная болванка. В Израиле Яков окончил разведшколу. Имея двойное гражданство, открыл в Севастополе ресторан еврейских блюд «Таам тов», что означало «Хороший вкус».

– Не останавливайтесь, – предупредил он Карпатову, – кружите по городу. Вы должны запомнить следующее. Первое – заступить на боевое дежурство 3 марта. Помните свое расписание?.. Проблемы с устным счетом? Вы дежурите в этот день?

Новицкий на своем опыте знал, какие трудности могут возникнуть при заступлении на боевое дежурство, особенно в дивизиях, дислоцированных в степной местности. В метель личный состав заступающих дежурных смен по несколько суток добирался до боевых позиций. В Крыму в этом вопросе было намного проще. Андрей обслуживает не двухсоттонную Р-36М «Сатану», улетающую на пятнадцать тысяч километров. У него могут возникнуть трудности иного характера, а задача Новицкого – помочь ему в преодолении всех проблем.

Андрей с минуту успокаивался, еще какое-то время подсчитывал.

– Нет, – наконец отозвался он. – Я дежурю 1 марта, на этот день назначены регламентные работы, и 4 числа.

Он взял направление к городской курортной зоне, тянущейся вдоль побережья. Затем передумал и развернул машину на северо-восток, где раскинулась промышленная часть города.

– В вашем полку практикуется подмена дежурств?

– Нечасто. По болезни, по семейным обстоятельствам могут поменять смены.

– Выберите одно из двух. На ваше усмотрение.

– Что должно произойти 3 марта?

Андрей предвидел ответ, но все же спросил. Как и пять лет назад, его до коренных зубов забило тягучим адреналином. Он сидел за рулем своей машины, но чувствовал себя в аппаратной кабине и на огромном расстоянии управлял ракетой. Ему еще раз напомнили, что он не принадлежит себе.

Он слушал и не слышал израильского разведчика, который монотонно сыпал характеристиками и параметрами цели – скорость, эшелон, маршрут, отражающая поверхность.

Андрей перебил его:

– Вы не берете в расчет погодные условия.

Бывший ракетчик отрезал:

– Бросьте! Атмосферные условия не помешают наблюдению за целью и условиям стрельбы. Тем более что стрелять вам не придется. За вас это сделают другие. От вас требуется создать условия, которые ничем не отличались бы от условий в октябре 2001 года.

– Чей будет самолет?

– Государственную принадлежность летательного аппарата вы определите с помощью средств опознавания. На самолете наверняка будет приемник запросных сигналов. Вы увидите на индикаторе условную метку, она высветится рядом с отметкой от «своего».

– *Своего?*

– Не прикидывайтесь дурачком, Андрей Викторович. Самолет противника на запросный сигнал РЛС не ответит. «Свой» или «чужой» – не это вас должно волновать. Вас должны волновать деньги. *Двести пятьдесят тысяч долларов.*

– Сколько?!

– Руль крепче держите.

Андрей впился в баранку так, что пальцы побелели. Не мог поверить в эту баснословную сумму, как не мог поверить в то, что получит эти деньги.

– А если я откажусь? За эти годы я столько раз вздрагивал, что уже ничего не боюсь.

– Хорошо. Вернемся к автовокзалу.

– Уже уезжаете?

– Подберем одного типа.

– Типа Вия?

Новицкий промолчал.

Прошло двадцать минут, а капитан Карпатов вздрагивал уже во второй раз. Он узнал человека, который по-хозяйски распахнул переднюю дверцу авто и занял место рядом с водителем. «Не может быть...» Андрей бессильно опустил руки. «Мне все это снится...»

Рядом с ним сидел командир противодиверсионной группы зенитно-ракетного полка старший лейтенант Роман Парубный. Его подразделение выполняло функции по охране объекта, посменно заступая в караул, но его костяк – отряд антитеррора.

Месяц назад старлей продал офицерские хромовые сапоги и был рад выручке. Теперь он мог менять сапоги хоть каждый час с равнодушной миной на лице. Все изменилось со встречи с Новицким. Сидя за столиком ресторана в центре Евпатории и слушая Якова, Парубный раскинул мозгами: и он сможет стать ресторатором, если примет для начала пять тысяч долларов. Идиотское предложение. Какой дурак откажется принять пять «штук»? А потом еще сотню. Вербовка старлея прошла в классическом стиле и была обречена на успех. Якову даже пришлось осадить Парубного, который рвался в бой со своими инициативами. В первую очередь он предложил несколько надежных парней из своего подразделения с условием, что обработает их сам. На что Новицкий ответил категорическим отказом. Вербовка – это его дело. Диверсионная группа Парубного теперь насчитывала одиннадцать отщепенцев, за деньги готовых выполнить любую грязную работу. На вопрос Якова: «Ты сможешь убить человека?» – украинские спецназовцы отвечали односложно: «Легко». Примерно с таким определением Новицкий создал диверсионную группу.

Парубный начал вполголоса:

– Не дергайся, капитан. С этой минуты я присматриваю за тобой. Увижу что лишнее, поправлю тебя своими методами. Ты получил инструкции? Отвечай! – повысил он голос и скосил глаза на Карпатова.

– Да.

– Ничего не надо повторять?

– Не знаю... – Андрей хватил рукой по баранке. – Дайте мне очухаться, суки!

Парубный достал из кармана миниатюрную фляжку в тонком кожаном чехле.

– Выпьешь?

– Я за рулем.

Громила басовито рассмеялся. Глотнув чачи, он сморщился и прикурил сигарету. Опустив стекло, выпустил мощную струю дыма.

– Думай, Андрей. Думай, как получить сто тысяч сейчас и сто пятьдесят к Международному женскому дню. Я свою долю получил и, будь уверен, отработаю за всю мазуту. У тебя за спиной буду стоять. Сбросишь «мощность», на тебе живого места не останется. Не косись на меня как на предателя. Ты втянул меня в это дело, не думал об этом? Я тебя, баран, спрашиваю!

– Не думал.

– Подумай. И усвой одну вещь: ты теперь полноправный член диверсионной группы. Ты главный специалист в ней. Сделай все возможное, чтобы я с тебя сдувал пылинки, а не сколачивал их.

– Это бред, бред! – свистящим шепотом взорвался Андрей. – Один шанс из ста, что я снова смогу подсветить цель, а ракета стреляющего дивизиона поразит ее.

– Вы читали сценарий учений? – спросил Новицкий со своего места.

Карпатов поймал его колючий взгляд в зеркальце.

– Ну, читал. – Уже в то время в его душу вкралась необъяснимая тревога. Точка в этом вопросе была поставлена только сейчас.

– Тогда вы наверняка обратили внимание на следующие нюансы. Генштаб вновь запланировал провести учения в условиях сложной мишенной обстановки – это летательные аппараты типа «Рейс» или «БСР». Как и пять лет назад, для стрельбы на полигоне будут привлечены зенитно-ракетные системы, включая С-200 «Вега». Второе: это также неучтенный Генштабом фактор зоны безопасности. Дальше. «Вега» отстреляется очередью из двух ракет. Встреча ракет с мишенью будет происходить на дальности до сорока километров. Вы в курсе, что мыс Опук и место базирования вашего полка имеют превышение над уровнем моря?

– Да.

– Что это значит?

– Вы знаете.

– Отвечайте.

– То, что поиск возможных целей радиолокаторами подсвета осуществляется при угле места от нуля до одного градуса.

– При поиске цели вы установите на своем радиолокаторе угол места в один градус, аппроксимируете луч до дальности в триста километров. В луче радиолокатора подсвета на этой дальности окажется цель, о которой я уже сказал. Она будет двигаться на высоте десять-двенадцать километров. Однажды вы уже проделали такую штуку.

– Вы такой умный! Может, сами цель засветите?

Новицкий передал капитану «дипломат». Андрей молча уставился на содержимое чемоданчика. В нем лежали десять пачек по сто долларов в каждой. Он закрыл крышку. Молчание длилось еще минуту.

– Договорились, – наконец отозвался он.

– Тогда до встречи 2 марта.

Новицкий проследил взглядом за корейской машиной и, не глядя на командира противодиверсионной группы, сказал:

– Ты знаешь, что делать, Роман. Долю Карпатова возьмешь себе. Или разделишь между своими бойцами. Тебе решать.

«Да, мне», – кивком подтвердил Парубный.

– Ты взял под контроль телефонную линию капитана?

– Два моих парня вскрыли щиток и подсоединили аппаратуру к его номеру. Ни о чем не беспокойся. Все телефонные звонки этого придурка мы снимем, записи передадим тебе.

– Установи за ним круглосуточное наблюдение.

– Это само собой.

4

Андрей загнал машину во двор, потом в гараж, закрыл, ничего не соображая, ворота и дверцу, подергал замки: держат крепко. Едва не сорвался на отца, заметившего матери: «Смотри-ка, наш оболтус обзавелся «дипломатом».

Он забрал из гостинной трубку радиотелефона и заперся на холодной террасе. В руках пожелтевший клочок бумаги, в голове воспоминания: «Позвони, если возникнут трудности. Спроси Мэлоди, продиктуй номер телефона, жди звонка или меня лично». Лично? Нет. Нет, думал Андрей, не сдержусь, придушу стерву собственными руками!

– Hello! Family hotel speaking ², – ответили на другом конце провода.

– А... – сразу же запнулся капитан, разобрав фразу. – Говорите по-русски?

– Да.

Дальше он продолжил в духе паршивого боевика.

– У вас должна была остановиться Мэлоди Унгер. Она назвала мне номер комнаты, но я позабыл.

– Да, конечно.

– Что – конечно?! – с новой силой занервничал Андрей. – Что я позабыл номер комнаты? – И только сейчас понял, что этот номерок – волшебный. Он не изменился. «Неужели повезло? Повезло?! Да ты совсем сбрендил!»

Он сбавил обороты:

– С кем я говорю?

– Управляющий Клод Эбсалом. Оставьте свой номер телефона, вам перезвонят. Не беспокойтесь, я передам сообщение Мэл.

«Мэл. Не Мэлоди или там госпожа Унгер. Ну точно, он в курсе. Шпионские игры».

Андрей продиктовал свой номер и прервал связь. Едва прикурив, он тотчас устался на телефон в нетерпении. Вот сейчас позвонит Унгер, сию секунду.

Он выкурил одну сигарету, другую. Выпил пару стаканов вина. Пересчитал деньги. Прикинул, что за день до учений с ним снова встретится агент «Амана» и отдаст повторный приказ. Поймал себя на сумасшествии, напрочь забыв о старлее Парубном. Хотя и он тоже агент военной разведки. Андрей понял, что ему отрезали все пути к отступлению.

Он снова зацепился взглядом за телефон...

В лице Мэлоди он искал защиту, наверное, и потому, что больше защиты просить было не у кого. Странная, невероятная ситуация. Словно и не было этих пяти лет. Ему двадцать четыре, Мэл только что ушла, оставив на террасе аромат французских духов и пряность сто-долларовых купюр. Он сбросил с себя тяжесть и был благодарен Мэл. Припомнил окончание вечернего разговора: «Не боишься, что я тебя придушу ночью?» – «Буду рада побывать в твоих объятиях». И ее ответ долго стоял в ушах Андрея. Он как-то по-хуторски рассудил: «Она не прочь приласкать меня». В ту ночь он не сомкнул глаз. Как последний идиот, он пару раз прошел мимо террасы, громко кашляя. Обозначал свое присутствие: «Здесь я, зови меня!»

Одна мысль, вторая, третья. Одно дурацкое видение, другое. Шиза: отец и Мэлоди сидят друг против друга. Старик предельно откровенен с будущей невесткой: «Вы хороший офицер, Мэлоди, но женщина вы глупая».

Андрей не сразу ответил на звонок. Смотрел на трубку, как на будильник, раздумывая, просыпаться или нет.

– Андрей? Это Мэл. Случилось что-то?

– А то ты не знаешь! – обрушился капитан. – Какого черта вы меня подставляете?! Слышишь?.. Алло?

– У тебя были гости?

Андрей взял себя в руки и возобновил разговор устало.

– Дело серьезное, Мэл. На двести пятьдесят «тонн», понимаешь?

– Кажется, да.

– Что мне делать?

– Дату назови.

– 3 марта.

– Посмотрю, что смогу сделать. Жди моего звонка.

– Слушай, я помощи жду.

² Здравствуйте. Семейная гостиница. Слушаю (англ.)

– Нам обоим не мешает запасный путь. И это искренне.

– Стой, Мэл, не вешай трубку. Не знаю, поможет нам это или нет... В общем... – Он поковырял пальцем обои над кроватью. – Ну... в 2001 году я выполнял приказ...

До того как террасу пропитал аромат французских духов Мэлоди, в ней долго не мог выветриться запах дешевого одеколona человека лет сорока...

– Меня обещали грохнуть, если я не «подброшу мощности» на лайнер. Кто – не знаю.

Андрей не мог знать, что незнакомец прямоком отправится в офицерское общежитие и стукнет в комнату лейтенанта Тараса Лозовского...

– Причину тебе объяснили?

– Какая-то бодяга. Украина первая, кто в мирных условиях сбивает гражданский самолет. На этой основе определенная группа людей встает во главе вооруженных сил двух стран. Может, «наверху» это звучит в порядке вещей, а для меня это полная бредятина.

– Я поняла. Пока.

Андрей хотел верить Мэлоди. Вот уже во второй раз она снимала с него груз. Но как верить ей, капитану военной разведки Израиля, человеку, который его завербовал? Уже через несколько минут он увидит Парубного: «Все-таки дернулся, гад?» И – по морде!..

Бежать. Капитан беспомощно оглянулся. Брать деньги и бежать. Какой дурак станет его искать? Кто захочет засветиться в его поисках? К чему военной разведке лишние расходы? Мщение ради мщения? Это даже актом не назовешь, так, онанизм под одеялом.

5

Тель-Авив

Мэлоди положила трубку. С минуту раздумывала. Первая мысль: военная разведка вела игру за ее спиной. Хотя по всем канонам ее были обязаны включить в состав опергруппы. Она одна из немногих, кто знал правду о трагедии над Черным морем. А сейчас выясняется, что только *часть правды*. «Аману» в сто раз безопаснее привлечь к работе людей, подпадающих под определение «носитель информации». Зачем разведка водит хоровод и ширит круг? *Чтобы скрыть что-то внутри него?*

Мэлоди стало страшно. Она узнает о диверсии, как с листа прочтет руку, которая кровью выписала события в октябре 2001 года. На этот раз всевозможные комиссии доберутся-таки до ракетного полка в Евпатории. Но виновника очередной трагедии к тому времени уберут.

«Беги в „Аман“, – подстегивала себя Мэлоди, – *докладывай о телефонном звонке из Евпатории, будь умной девочкой*». Однако понимала, что военная разведка бежала от нее, ей уже ни за что не догнать эту смертоносную машину, развернувшую башенное орудие в ее сторону.

Конечно, Мэл нашла причину в себе, Эли и Маркосе. Два года назад при их непосредственном участии был создан Комитет, в который вошли родственники погибших в октябре 2001 года. Цель создания этого органа была облечена в двойную защиту: предотвратить потенциальную диверсию любыми способами, включая крайний – это передача секретных материалов спецслужбам третьих стран. Три офицера ВВС затеяли опасную игру, но в первую очередь ставили перед собой заградительный щит. Возможно, ключевой стала фраза Эли Сайкса: «В первый раз погибли гражданские, и дальше может случиться то же самое». Эли сдержал обещание и выколочил на плече «Имел я вашу войну!».

Настораживал и другой момент. О них словно забыли. Их работа теперь заключалась в сборе открытых данных: пресса, интернет; как на иглу, их подсадили на контент-анализ – разбор содержания текстовых документов. Их «заслуги перед отечеством» канули в бездну, о которой не переставал твердить Сайкс.

...Мэлоди долго смотрела на управляющего семейным отелем.

– Клод, у тебя есть свободный номер?

– Мэл, даже если бы его не было... Для тебя – все что угодно. – Клод вручил ей ключ от комнаты.

– Отлично! Если мне будут звонить, переключай на этот номер.

Поднявшись на второй этаж и открыв комнату, Мэлоди сняла плащ и устроилась в кресле, позвонила Сайксу на работу:

– Эли, надо встретиться. Срочно. Я в «семейке» у Клода. Предупреди Маркоса.

Эли и Маркос. В 2001 году они заняли жесткую позицию. В то время они казались себе миротворцами без страха и упрека. Страх не было потому, что потенциальная диверсия лежала на краю вероятности. Их борьба виделась виртуальной игрой, в которой выиграть хотели только они, в запасе несколько жизней, и они уверенно жили на привязи оптоволоконка. Может быть, причиной этому был капитан Абрамов. Он пришел к ним со своей кувалдой и клином и выбил клин разведотношений. Они работали без оглядки на свои ведомства – до поры до времени. Разрыв произошел по вине Мэлоди, но она снова вернулась на прежние позиции, уже порядком повзрослевшая. Истинные причины катастрофы позволили ей сделать ровно столько, на сколько позволяли рамки ее принадлежности к военной разведке. В этой точке круг и замкнулся.

– Мэл, мы в Хайфе живем, не забыла? – вспыхнул на том конце провода Сайкс. – Восемьдесят километров переть по запруженной трассе!

– Жду, – оборвала разговор Унгер.

Она снова окунулась в воспоминания. Евпатория. Вербовка лейтенанта Карпатова. Обрыв всего радужного, что было связано с этим делом. Жалость к Андрею и к себе. Новый путь в плане совершения диверсий. Промаях и точное попадание. Пожалуй, именно так можно было озаглавить тот короткий отрезок времени.

Капитан Абрамов. Саня Абрамов. Мэл улыбнулась. «Нам бы пораньше встретиться. А теперь просто уходи». Он ушел. Как выяснилось, навсегда.

Может быть, зря она не открылась перед ним? Если бы не он, не его ниточка об «однорядцевых» комплексах... Впору винить его. И себя тоже.

Мэлоди позвонила Андрею в Евпаторию.

– Сделаю все, что в моих силах. Я на твоей стороне. Надейся до последнего. До самого последнего мгновения. Держись. Подыгрывай. Удачи.

Яков Новицкий прослушал запись и вынул кассету из магнитофона. Пару раз прошелся по комнате офицерского общежития, принадлежащей командиру противодиверсионной группы.

– Коробочки нет? – спросил он Парубного.

– Чего?

– Бокса для кассеты.

– Извини... Вот уже неделю я кручу лазерные диски на новом стереогромыхальнике, – хмыкнул спецназовец.

Резидент вывернул карман пиджака и стряхнул его. Обернув кассету носовым платком, положил в карман. Парубный смотрел на него как на идиота.

– Держи Карпатова на привязи. По мере возможности прослушивай его линию. Об этом телефонном разговоре молчи, никаких действий не предпринимай. Встретимся через неделю. – Новицкий натянуто улыбнулся. – Что тебе привезти из Тель-Авива?..

Маркос и Сайкс приехали в Морскую метрополию спустя три часа.

– Нам надо держаться вместе, – сказал Сайкс, выслушав Мэл.

– Я не могу уехать в Хайфу, а вы не можете перебраться в Тель-Авив, – ответила она.

– Может, выйти на Саню Абрамова?

– Ну ты и сказанул! – фыркнула Мэлоди. – Россия и Украина – союзники. Хотя в последнее время Россия здорово смахивает на Израиль, а Украина для нее – Сектор Газа. Воруют полезные ископаемые.

– Да, – подхватил Сайкс. – Для Украины Россия – Архипелаг Гуд Лаг. Материк удачи, мать их!..

– Понимаете, парни, если я выйду на связь с Абрамовым, мы все равно останемся под колпаком «Амана», а сверху нас припрет «Аквариум». Хотя бы в международном плане. Самолет сбила не украинская ракета, а сделанная в России.

– Мэйд ин Раша, – вставил Сайкс.

– «Веги» разбросаны не только по всему Крыму, они на Балтике, на Камчатке и еще черт знает где. *То есть налицо потенциальная опасность всем воздушным судам, находящимся в трехстах километрах от российских границ.* Я преувеличиваю, конечно, но факт остается фактом. Он подтверждает версию Андрея Карпатова: кто-то на этом скандале хотел, как по лестнице, подняться до руководства вооруженными силами двух стран. И Саня Абрамов нам не союзник. Черт его знает, кто стоял за той диверсией. Может, самолет сбили не без участия флотской разведки. Не забывайте, что Абрамов был единственным, кто знал о комплексах-близнецах. Что скажешь, Эли?

– Что я скажу? Внемлите – среди нас чужак, он жаждет гибели нашей. Все, ставим в этом вопросе точку.

– Договоримся так, – предложил Маркос. – Мы с Эли будем друг у друга на связи в Хайфе. С тобой, Мэл, мы будем созваниваться два раза в день. Лично я не думаю, что нас захотят убрать. Что мы знаем на этот час? Учения украинских войск ПВО назначены на 3 марта. В прессе надо отслеживать все, что касается этой даты. Посмотрим, проанализируем ситуацию. Может, не так страшен черт, как его малюют?..

Сайкс засобирался первым.

– Раз я здесь, сънишку навещу. Давно не видел.

– Я недавно видела, – сказала Мэлоди. – Специально интересовалась. Здоровенный такой бутуз. Щеки – как помидоры. Твою жену видела, Эли.

– Бывшую, – поправил Сайкс. – Мое терпение лопнуло. Мне надоело жить под колпаком, я признался: «Да, трахнул вчера телку. Но она по сравнению с тобой такая дешевка!» Жена: «Ах, значит, ты меня на дешевку променял!..» Короче, сообщил жене, что я накануне развода был безумно счастлив. Уехал к родителям в Хайфу, квартиру жене оставил.

– Не все потеряно, Эли.

– Может быть.

Глава 4

ОТГОЛОСКИ ПРОШЛОГО

1

Встреча вице-премьера Мармсталя и директора военной разведки Эйтана была запланирована на три часа дня. Мармсталь прибыл в штаб-квартиру «Амана» на час раньше, что называется «нагрязнул». Высокий, сухопарый, накануне перенесший пластическую операцию и оттого слегка бледный, вице-премьер буднично дожидался Эйтана в компании нервничающей секретарши. Едва в приемную вкатился тучный и низкорослый Шимон Эйтан, которого с четверть часа разыскивали по этажам управления, секретарша подскочила, как на батуте, и выкрикнула срывающимся голосом:

– Господин директор!..

Генерал в ответ едва не заорал на подчиненную: «Окривела, что ли?! Ты кого маринуешь в приемной?!» Он поздоровался с однопартийцем и жестом руки пригласил его в свой кабинет. На пороге генерал, одетый в черный деловой костюм, обернулся к секретарше и сверкнул злыми глазами:

– Два кофе!!

После вмешательства лучших пластических хирургов Израиля Мармсталь в свои шестьдесят выглядел на пятьдесят. «Он здорово изменился, – в очередной раз заметил Эйтан. – Выглядит он молодо, но лет ему много». И пришел к выводу, что операция по омоложению была нужнее жене Мармсталя. Последний был примерным семьянином и моложе своей половины на семь лет. «Ей шестьдесят семь, и выглядит она на шестьдесят семь, – рассуждал Эйтан, – сутулая, толстозадая, с крашеными волосами, чистокровная еврейка». По сути Мармсталь прятал благоверную от посторонних взглядов, и ни один ушлый фотограф не смог снять ее ни вместе с мужем, ни отдельно.

Сам Эйтан к своему отражению в зеркале относился не менее критически: старомодная стрижка под полубокс, массивные, будто отяжеленные цыганскими серьгами, мочки, тяжелые натруженные щеки. Он слыл человеком неуживчивым, с неизгладимым «суворовским комплексом». И по молодости лет, и в зрелом возрасте он говорил вслух то, о чем «паркетная» этика предписывала молчать.

Эти два разных человека устроились на диване. Мармсталь приступил к делу.

– Как продвигается операция «Туризм-2»? Освежи мою память и начни с начала.

Непредвиденный забег по коридорам управления сделал свое дело. Эйтан с минуту тяжело дышал, отирая лоб носовым платком. Министр не курил, поэтому генерал отказался подымить в присутствии босса.

– Ты знаешь, Дани, что точкой отсчета или базой является дата, – подчеркнул директор. – Это намеченные на 3 марта учения украинской ПВО.

– Генштаб Украины планирует провести их по прежнему сценарию?

– Конечно, – глубоким кивком подтвердил Эйтан. – У них нет другого полигона, кроме крымского полигона на мысе Опук. Он относительно дешев, что в первую очередь прельщает украинских военных. Для стрельбы на полигоне привлекаются все имеющиеся на вооружении войск ПВО Украины зенитно-ракетные системы: С-75, С-125, С-300 и стационарный комплекс дальнего действия С-200 «Вега», – перечислил он, разгибая непослушные пальцы.

– Они учли фактор «зоны безопасности»?

– Наша агентура об этом говорит совершенно однозначно: нет.

– Дальше.

– Разумеется, есть кое-какие ограничения, но они носят «азимутально-секторный» характер.

– Объясни, что это значит.

– Дело в том, что в условиях Черного моря ограничения по дальности стрельбы трудно установить. Если говорить простым языком, то надо освободить воздушное пространство от всех типов летательных аппаратов над всей акваторией Черного моря. До Турции и Грузии. Что совершенно немыслимо. По этому пункту мы сюрпризов не ждем.

– Ты уверен, что устроители учений не сменят полигон? – продолжал уточнять Марм-сталь.

– Это можно сделать в учебных стрельбах из самоходных ЗРК. А к работе привлечены стационарные ракетные комплексы.

– Время?

– Перенесение учебно-боевой работы на час в ту или другую сторону создаст дополнительные трудности в обеспечении безопасности. Отсюда следует вывод: переноса по времени не предвидится. В этом деле мы манипулируем не часами, а минутами и секундами. Упомяну о хронологии, которая является неотъемлемой в нашей операции. 2000 год – учебная ракета поражает многоэтажный жилой дом в пригороде Киева. 2001-й – ракета такого же класса сбивает российский пассажирский самолет. Далее – С-300 едва не сбивает наш «Боинг». 2006 год... Впрочем, я забегаю вперед.

– Продолжай. – Дани поправил крашеную прядку и задержал ладонь на виске, словно приклеивал редкие волосы к черепу.

– Существует категория свидетелей, но ограничена всего тремя людьми. Они принимали участие в сборе информации во время расследования инцидента. В первую очередь я говорю о капитане нашего ведомства Мэлоди Унгер.

– Я слышал, она толковый офицер.

– Я так не думаю, – генерал не разделил точку зрения босса. – Как выясняется сейчас, она сломалась именно во время сбора информации в Крыму. Мы обязали этих офицеров молчать, однако...

Эйтан закашлялся, извинившись, прошел к рабочему столу. Хлебнув минералки, он нажал на клавишу селекторной связи и напомнил секретарше, едва сдерживаясь:

– Кофе, пожалуйста.

Заняв прежнее место, продолжил:

– Однако все трое офицеров уволились со службы с разницей в семь месяцев. Последней рапорт на имя шефа ВВС написала Мэлоди Унгер. Кроме того, нам стало известно о некоем Комитете, в который вошли семьи погибших в октябре 2001 года, русских в нем нет, только израильтяне. Он насчитывает порядка двадцати человек. Нам долго не удалось выявить инициатора этой группы.

– Им оказалась Мэлоди Унгер.

– Именно. Она действовала через подставных лиц, они же самые активные родственники погибших. Цель создания Комитета...

– Унгер могла рассказать его членам правду о трагедии 2001 года? – перебил Дани.

– Нет. Однозначно – нет.

«Где кофе, черт возьми?!» – психовал Эйтан. И в его глазах нерадивая секретарша приобрела черты капитана Мэлоди Унгер, подлежащей ликвидации.

– Для Унгер Комитет – прикрытие. Если она решится передать материалы спецслужбам третьих стран, Комитет также послужит стеной. Я говорю об огласке и том факте, при котором мы начнем преследование Унгер в законных и специальных рамках. Пока ни того, ни другого, ни третьего не произошло. Но произойдет при повторении событий 2001 года. Кроме того, мы получили запись телефонного разговора Унгер – Карпатов. Последний сообщил о давлении на

него плюс подробности задания. Мы ожидали от Унгер обстоятельного доклада по этой теме, однако этого не произошло, что навело нас на определенные мысли.

Генерал Эйтан на этом этапе решил скрыть от босса важную информацию. Мягко говоря, его поначалу шокировало заявление капитана Карпатова: *«Я выполнял приказ. Меня обещали убить, если я не „подброшу мощности“ на лайнер»*. Кто именно – он не знает. Однако то, что для рядового зенитчика осталось «бодягой», для искушенного директора военной разведки предстало в ином свете. Возможно, спецслужбам России не хватило самой малости, и хитроумная диверсионная акция едва не привела к коренному пересмотру двухсторонних отношений в области военного управления. Однако чуть позже опытный разведчик пришел к однозначному выводу: *спецслужбы тут ни при чем*. Такая «глобальная» версия устроила бы журналистов. Скорее всего, рассудил генерал, эту нелепицу придумал сам Андрей Карпатов. Цель его лжи – чтобы от него отстали. Он молод, но сумел просчитать ситуацию, при которой столкновение двух разведок оставит его на обочине. Возможно – мертвым. Он это не учел, действуя сгоряча.

– У нас есть другой способ избавиться от нашего главного противника?

– Политическая ситуация на Ближнем Востоке, в Палестине и в Израиле однозначно говорит – нет. Акцию надо проводить чужими руками и не бросить тень на наши спецслужбы. Это единственный вариант, базируемый на вышеперечисленных факторах – недееспособность Украины в отдельно взятом роде войск. К тому же на эту операцию мы затратили много средств и усилий.

– Это не аргумент. Больше всего меня интересует практическая ценность. – Мармсталь надолго задумался. Он смотрел прямо перед собой, лишь изредка бросая взгляд на генерала.

На этот час политическая ситуация просилась называться критической и выглядела следующим образом. Экстремистское движение «Хамас», победившее на парламентских выборах в Палестинской автономии, рвалось в Россию по личному приглашению президента РФ. Допустить террористов к переговорам с главой российской державы для Израиля означало потерпеть поражение сразу на двух фронтах – палестинском, внутреннем, и российском, внешнем. Удерживать лидеров «Хамаса» в Палестине и не давать им возможности покинуть страну означало обострить и без того сложные отношения с Европой и мусульманским миром, вцепившимся в глотку Израиля. Это также означало серьезный раскол в правительстве: министр иностранных дел Голда Саар – протеже Ариэля Шарона и один из главных претендентов на пост премьера – открыто заявила, что поддерживает инициативу Путина. Все это называлось политическим тупиком. Дабы не потерять разум от ударов головой об эти две стены, следовало придумать третью, которая бы легко рушилась. И таковая была найдена в Украине.

Это был рискованный, но единственный путь. Он привлекал тем, что однажды был успешно использован. Плюс другой привлекательный момент: Украина окажется виновной в повторной трагедии. Это даже не вторая серия фильма, без учета попавшей в жилой дом ракеты, а повтор первой, рассуждал Дани. Чтобы никто не смог в грядущей диверсии уследить диверсионные корни, и не важно, чьи они – украинские, израильские, российские. Халатность и есть оборотная сторона этой диверсии. Мармсталь, не подозревая о скрытых деталях, подумал о том, что шеф военной разведки разработал и вел очень тонкую игру.

Наконец-то в кабинет лебедем всплыла секретарша. С темными выразительными глазами, одетая в темную узкую юбку и светлую блузку, она поставила на маленький столик золотистый поднос и удалилась с легким полупоклоном. Шеф «Амана» взял в руки чашку и понял, что уже не хочет кофе. И раньше не хотел.

– Россия предложила для делегации «Хамаса» свой самолет и ждет нашего согласия.

– Разумеется, – Дани искренне улыбнулся. – Пусть себе летят.

– Заявление от российской стороны уже поступило, от нас ждут ответа. Согласно нашей операции, мы должны дать ответ до конца февраля. Поскольку на 3 марта назначены учения украинских ПВО. Мы должны обосновать эту дату. Министру транспорта нельзя давать ее как

бы от фонаря. То есть подвести пик трехсторонних переговоров о вылете делегации «Хамаса» в Москву 3 марта. Чтобы все выглядело естественно и логично.

– Леви Эжбу в курсе операции?

Генерал покачал головой. Бывший командующий военно-воздушными силами, а ныне директор аэропорта «Бен-Гурион» пока оставался в неведении. Шеф военной разведки отказался от идеи поставить Леви перед мутным фактом: «Вскоре произойдет нечто, что напомним тебе о многом. Ты должен сделать то-то и то-то и молчать об этом». По сути это интрига, которая, кроме вреда, более ничего не принесет. По-другому обстояло дело с Андреем Карпатовым. Ему надо было готовиться к заданию, поменять смены. Ему предстояло настроиться, прогнать в голове и перед пультом свои действия. В него, как в новый компьютер, директор «Амана» заложил математику.

Дани развил тему «украинской халатности»:

– Пусть краснеет «оранжевая» Украина. Позже мы подумаем, как привлечь Россию к ответу за переговоры с нашими кровными врагами. Лидеры России наладили диалог с Ираном, намерены сесть за стол переговоров с «Хамасом». Они действуют выборочно. Их точечные удары жалят в самое сердце. Нам предстоит пересмотреть отношения с Россией. Но это целиком и полностью зависит от твоего ведомства. Не допусти ошибок, Шимон, и избавься от трех главных свидетелей. При них операция невозможна. А она нам необходима как воздух. Кстати, ты планировал что-то другое? Например, запугивание свидетелей, родственные факторы?

Эйтан покачал головой:

– Больше всего я опасаясь людей, подпадающих под категорию запуганных свидетелей. Это то же самое, что запуганный террорист-смертник, – сопоставил он.

– Исчерпывающий ответ. Встретимся через неделю. Подготовь устный аналитический отчет – почему Мэлоди Унгер в этой обстановке ведет себя так, а не иначе.

2

Россия, Кольский полуостров

Адмирал Школьник остановился напротив трехэтажного здания, словно выросшего на пригорке. Весь январь Россию трясло от морозов. Виктор Николаевич, прослуживший шесть лет на севере, не мог припомнить таких холодов – даже на полуострове Немецкий, от которого до соседней Норвегии не больше десятка километров. Он там, будучи в звании лейтенанта ВМФ, изучал по заданию разведки мощный укрепрайон, оборудованный немцами во время Великой Отечественной войны, с крупнокалиберной береговой батареей, дотами, зенитными позициями, железобетонными бункерами и убежищами. Вряд ли, думал адмирал, что-то изменилось с тех пор на том клочке суши. Он слышал, что возобновились пешие экскурсии по полуострову, где сохранились подземные ходы, лафеты дальнобойных пушек.

Здесь, на Кислой губе, вход в которую перекрыла плотина некогда знаменитой приливной электростанции, ныне законсервированной, начальник флотской разведки ощутил доселе незнакомое чувство: он, одетый в шерстяной свитер, меховую шапку и ярко-красный пуховик, прибыл на арктическую российскую станцию. Вроде как сменить кого-то, а кто сменит его и когда это случится, никто не знает. И от этого Школьника пробрал мороз тоскливой безысходности.

Он еще раз бросил взгляд на поселок – всего несколько деревянных домиков и сараев, где проживали работники станции. Оглянулся. Его хмурый взгляд простерся до самого дна, усеянного затонувшими судами. Эти корабли стали лишними для новой России, и в 90-х годах база вспомогательного флота ВМФ прекратила свое существование...

Адмирал взошел на высокое крыльцо и постучал в дверь.

Его встречал молодой человек, по виду – полярник: длинные волосы, бородка. Он также был одет в теплый свитер, на ногах валенки. Виктор Николаевич, снимая шапку, не удержался от широкой улыбки:

– Забавно выглядишь, Женя. Тебе больше подходят гидрокостюм и ласты. Не думал об этом?

– Каждый день думаю. Здравствуйте, Виктор Николаевич! – Блинков приветствовал шефа крепким рукопожатием.

Связь с Большой землей здесь была по телефону и морем. Евгений Блинков удивился телефонному звонку из штаба ВМФ. Личный адъютант Школьника поставил его в известность о визите босса, сказав, что дело очень серьезное. Дело серьезное, когда звонит сам адмирал, парировал Джеб, но адъютант на другом конце провода рассмеялся: «Очнись, Женя! Он САМ едет к тебе!»

– Веди меня в самое теплое помещение, – распорядился адмирал, передавая хозяину дорожную сумку. – Там у меня коньяк, лимончик, ветчина. Хлеб.

– Хлеб?

– Ну да. Чернушка. Как добрался, спрашиваешь? До Мурманска самолетом, оттуда на вертолете. Над Печенгой пролетели – красота неопишуемая!

В комнате на втором этаже адмирал снял куртку и устроился напротив электрокамина.

– Рассказывай, что ты, южная твоя душа, делаешь здесь, на семидесятой широте, – в рваном темпе поинтересовался адмирал.

– Просто отдыхаю. Здесь работает мой хороший приятель, он основал этот центр. Летом оживление, зимой затишье. Для настоящих дайверов здесь рай: подводная целина, приливы до четырех метров, белые ночи.

– Завидую... Надолго ты здесь застрял?

– Планировал до весны остаться. Я тут на правах гостя. Хотите, покажу вам отель. Вечерком можно на бильярде поиграть, в бане попариться.

– Вечером и покажешь. – Школьник отметил время: начало второго. – Я по делу приехал, и тем не менее...

Он встал с кресла, открыл сумку и выудил бутылку коньяка. Джеб нарезал лимон, ветчину, хлеб, в очередной раз усмехнувшись: адмирал словно в Тмутаракань приехал, но упустил из виду пару батонов вареной колбасы. Они выпили не чокаясь.

– До армии ты учился в ГИТИСе, – уточнил Школьник. – Помнишь свою однокурсницу – Ольгу Супрун?

– Да, – кивнул Джеб.

– В отличие от тебя она окончила институт по специальности актер музыкального театра. Вышла замуж за израильского бизнесмена, вместе с ним одно время продюсировала танцевальный проект «Тотем». – Школьник побарабанил по столу пальцами и продолжил: – Ольга Супрун развелась со своим первым, равно как и со вторым мужем, осела в Израиле, вплотную занялась киносектором: ляпает молодежные фильмы. Сейчас в Москве. По нашим данным, задержится в столице на неделю. Не хочешь повидаться с однокурсницей? Все-таки восемь лет не виделись.

– Разведка заинтересовалась Ольгой в связи с ее израильским мужем-бизнесменом?

– Нас интересует другой человек. Мы планировали выйти на него через Ольгу Супрун.

– Кто он?

– Точнее, она. – Школьник вынул из кожаного портмоне фото и передал Блинкову. – Она из разряда женщин, которых принято поздравлять не 8 марта, но – в День защитника Отечества. Капитан израильской военной разведки Мэлоди Унгер. – Адмирал снова уточнил: – Она бывший офицер разведки ВВС. Эта спецслужба наряду с военно-морскими силами Израиля тесно взаимодействует с «Аманом», аналогом нашего «Аквариума». Координируют действия в

области сбора данных в рамках общих разведывательных задач. Родилась в Америке, в Израиле с двух лет. Тридцать один год, не замужем, – подчеркнул адмирал.

– Высокая, симпатичная, – не без ехидства добавил Джеб, возвращая снимок. – Выходит, я ошибся, когда думал, что разведка оставила меня в покое.

– Ты любишь свое дело и не видишь причин бросить его. Ты много работал для денег, и тебе хочется поработать для души.

– Цитируете выдержки из моего досье?

– Давно не заглядывал в него. Без бумаг знаю о тебе достаточно. – Адмирал указал рукой на окно. – Ты поменял обстановку, но не жизнь. Недавно я смотрел фильм с Джеком Николсоном – люблю этого актера, – и там прозвучали такие слова: «Все дороги ведут в места, которые ты хотел бы забыть»... Разумеется, я не могу тебе приказать. Ты профи, но ты послушай, что я скажу. Мы планируем операцию, спонсором которой является некая некоммерческая структура. Ее теневым руководителем является бывший министр обороны Украины. Его представляют два человека: отставной начальник ГРУ Минобороны Украины и зять министра – крупный бизнесмен. Дело напрямую касается инцидента с пассажирским лайнером, сбитым украинской ракетой над акваторией Черного моря. В курсе этих событий?

– Да, это случилось в 2001 году.

– В октябре, – конкретизировал адмирал. Он вставил сигарету в мундштук и неторопливо прикурил. – Нам предстоит пересмотреть все, что предшествовало катастрофе. Сейчас нас уже не устраивают выводы комиссий. И вот почему. 29 декабря прошлого года погиб в авткатастрофе капитан ракетных войск Тарас Лозовский. Его «жигуленок» на огромной скорости врезался в стоящий на обочине грузовик. Бензин и соляр растеклись по дороге, начался пожар. Огонь долго не удавалось сбить. В результате тело Лозовского сильно обгорело. Инцидент произошел недалеко от нашего штаба в Севастополе. Позже медики обнаружили в крови капитана алкоголь, а следственная группа военной прокуратуры нашла в кармане его куртки записку. Специалисты-графологи пришли к выводу, что написана она человеком, находящимся в сильном возбуждении, может быть, даже на грани срыва. Написана давно – возможно, три или четыре года назад. Хранилась в отделении бумажника и одним краем даже не приклеилась к кожаному кармашку, а приросла. Да и огонь свое дело сделал. Сохранилась лишь треть текста, а остальное – возможно, имена и звания конкретных людей – безвозвратно утеряно.

Блинков принял от адмирала лист бумаги и прочел:

«Я знаю истинные причины авиакатастрофы 2001 г. (...) не думал, что так все обернется. (...) пассажирский лайнер был сбит ПРЕДНАМЕРЕННО. По вине одного трусливого гада!!! Его обработали, конечно (...) С ним говорил один человек от лица людей (...) готовы платить (...) руководить вооруженными силами России и Украины (...) не имеет отношения к этим (...) Он из третьей страны (...) сказал: нас устроит любой гражданский самолет (...) в коридоре обстрела (...) так и вышло (...) с себя ответственности (...) был трезвый, остальные поддали (...).»

– Эта информация долго держалась от нас в тайне, – продолжал адмирал. – Следователи украинской военной прокуратуры зашли в тупик и были вынуждены скооперироваться с нами. Затем за стол переговоров подсадили представители украинского экс-министра, честь которого до сей поры находится под сомнением. Его финансовая группа за расследование и предоставление аргументов, подтверждающих невиновность украинской ПВО в том инциденте, платит хорошие деньги.

– Какая связь между ПВО Украины и ВМФ России?

– Во-первых, украинская разведка далека от совершенства, имеет посредственную агентуру в том же Израиле. Я бы даже сказал «никакую». Кроме финансовой поддержки, украинская сторона в ответ на конкретную работу обещает пересмотреть важные позиции по Черноморскому флоту, который в данном и конкретном случае представляет разведуправление

российского флота. Нам поступила информация о том, что Мэлоди Унгер на месте трагических событий собирала информацию, а не занималась расследованием как таковым. Унгер наша единственная ниточка, поскольку опросы сослуживцев и родственников Тараса Лозовского ни к чему не привели.

– О какой сумме идет речь?

– О семизначной. Мы пришли к следующему выводу. Наиболее короткий и результативный путь к Мэлоди Унгер лежит через Ольгу Супрун.

– Почему? – спросил Джеб. – Ольга знакома с Унгер?

– Да. Вряд ли они на короткой ноге, и все же.

– Как вы вышли на Ольгу?

– Сейчас у меня работает толковый офицер, – усмехнулся Школьник, – капитан 2 ранга Александр Абрамов.

Лицо Блинкова вытянулось.

– Он что, повторный рапорт написал?! Или вы снова игры затеяли? В прошлый раз он в африканской тюрьме оказался, если вы не помните. Теперь нам его из израильских застенков вытаскивать? – Джеб округлил глаза и резанул по горлу ладонью: – Хватит, я в прошлый раз наелся до отвала! Мне не по вкусу ваша жратва с натюрмортов. Я парня в Африке потерял.

– Можешь успокоиться?

– У меня есть друг. Он таксидермист. У него вы найдете чучела на любой случай. Я дам вам телефон, звякните ему. А меня оставьте в покое.

– Успокойся, пожалуйста, – мягко попросил адмирал. – Итак, Абрамов. В 2001 году он курировал черноморский район. Принимал непосредственное участие в расследовании авиакатастрофы. В течение двух недель контактировал с разведчиками ВВС Израиля во главе с Мэлоди Унгер. Ему еще в 2001 году показалось, что израильтяне идут по другому следу и не верят в выводы комиссий. Объясню почему. Группа Унгер осталась в Крыму еще на неделю. С этим связана какая-то дата, дай бог памяти. Вспомнил: в этот день был убит израильский министр. Так вот, задержка разведгруппы ему показалась странной. У них не было секретов друг от друга. Хотя иностранная разведка она и есть иностранная разведка. Доклад Абрамова тогда остался без внимания. Сейчас я подтянул капитана и разрешил ему покопаться в том деле. Так на свет появилась Ольга Супрун.

– А театральный институт, который она окончила, вывел на меня.

– Именно, – улыбнулся Школьник, выразительно дернув бровью.

– Абрамов и Унгер знакомы. Не проще ли устроить им встречу?

– Она замкнется на нем и замолчит как рыба. Мы проштудировали этот вариант и оставили его как запасной. Абрамов будет рядом и подхватит эстафету. А ты перебирайся в Москву, готовься к встрече с Ольгой. А после с Унгер – но уже в Израиле. Не думаю, что ты растерял актерские навыки. – Адмирал сдвинул широкие брови. – Разведка, на которую ты постоянно дуешься, дала тебе много в плане актерского мастерства. Мы также думали о привлечении к работе Кокарева, Музаева, Чижова. Разберешься по ходу.

– Кто будет курировать мою работу?

– Сам-то ты как думаешь? Я дал Абрамову прямой выход на представителей экс-главы украинского военного ведомства. В этом плане у вас будет мощная поддержка. Не исключаю, даже уверен, что ваша работа распространится на территорию Украины.

– Вы говорили с Абрамовым о материальной стороне дела?

– Конечно. Я намекнул о «дипломате» со столларовыми купюрами. Абрамов ответил: «Порой мешок с деньгами не показатель богатства, а показатель инфляции». Мне кажется, он еврей.

Адмирал снова потер руки, на этот раз его ладони издали звук иного качества.

– Ну что, Женя, топи баньку. А пока она топится, погоняем шары. Я в снукер хорошо играю, – начал нахваливать себя Школьник.

Джеб перебил его:

– Тогда вам придется подождать, пока я раскрашу шары.

Глава 5 «ВЫ – ОЧЕВИДЕЦ»

1

Генерал Эйтан связался с секретарем по селектору и вызвал к себе подполковника Натаниэля Сейфа. Впервые он обратился к нему в июне 1999 года со следующими словами: «Знаете, Натан, есть сравнительно новое английское слово – assassin. Оно произошло от арабского «гашиш» и означает политическое убийство. В своей работе вы должны руководствоваться только этим и всегда помнить: ничего личного, кроме того личного, что напрямую касается интересов разведки, а значит, интересов государства».

Каковы шансы грядущего мероприятия? – часто спрашивал себя генерал. Если брать в расчет верхушку айсберга, то оценка выглядит критично – один к девяти. Люди, задействованные в этой операции, должны сработать на манер единого, четко отлаженного механизма. Малейший сбой на одном из участков уменьшит и без того небольшой процент. Иную оценку можно было выставить, принимая в расчет большую, скрытую часть ледяной глыбы.

Операцию «Туризм-2» Эйтан называл случаем, который нельзя упустить, и этим объяснялось его беспокойство. Борьбу с врагами Израиля он видел в своей работе, свою работу видел в борьбе и беспрестанно варился в этом наглухо закрытом котле. Он не мог действовать менее жестоко, чем его противник. Порой он ловил себя на параноических мыслях, выстроившихся в очередь к его голове. Он ничего не мог изменить, выполняя распоряжения сверху, оттого часто прибегал к наболевшему и безысходному, не имеющему ни начала ни конца вздоху: «...если бы я стоял во главе государства...» Он бы действовал по-другому, более жестко, не стал бы пересматривать вопрос о ракетно-бомбовом ударе по главному врагу Израиля – Ирану, запланированном на март этого года. Однако ситуация с победоносным «Хамасом» заставляла в корне пересмотреть намеченные планы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.